

**Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию
Красноярский государственный комитет**

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ

Межвузовский сборник

Красноярск 1993

В сборник заложены статьи, посвященные социальной работе и ее воздействию на отклоняющееся поведение, а также ряд научных сообщений по смежным вопросам уголовного права.

Предназначен для научных и практических работников, аспирантов, а также студентов старших курсов.

Редакционная коллегия: канд. юрид. наук, доц. А.Н.Тарбагаев (отв. за вып.), канд. юрид. наук, доц., зав. каф. теории и методики социальной работы Н.Г.Стойко (отв. ред.), канд. юрид. наук, доц. А.С.Барабаш, канд. юрид. наук, доц. С.Д.Чиганова.

Рецензенты:

предметная комиссия гуманитарных и общеправовых дисциплин Красноярского отделения заочного обучения Омской высшей школы милиции МВД РФ; член коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда В.Ф.Барановский.

А.С.БАРАБАШ

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ,
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Человек входит в мир, взаимоотношения в котором строятся на основе норм, выработанных предыдущими поколениями. Эти нормы используются до тех пор, пока они устраивают ныне живущих, при утрате полезности они заменяются вновь выработанными. Полезность как всеобщий критерий отношения к норме в истории человеческого общества не всегда выдерживается, во многих случаях изменение норм обуславливалось иными факторами. В наше время, когда главным принципом социального управления становится принцип гармонии /1/, полезность нормы выходит на первый план. Нормативность, задающая определенные стереотипы поведения, вещь ценная и необходимая в сложно организованном обществе, ее возникновение связано с появлением такового. В процессе развития происходила селекция норм на основе постоянной проверки их значимости в плане удовлетворения интересов членов сообщества. Нормы, проверенные веками, закреплялись религиозными учениями как нормы морали, а отношения, складывавшиеся между членами сообщества, в которых была каким-то образом заинтересована управляющая структура, или же отношения между членом сообщества и самой структурой оформлялись как правовые нормы. Между этими двумя видами социальных норм нет жесткой границы. В "разумном" государстве значительное число норм права совпадет по своему содержанию с нравственными, отличаться они будут по способам защиты. Обладая в потенциале более мощным арсеналом средств воздействия, правовая норма при реализации обеспечит (должна обеспечить) в итоге принятие индивидом нравственного правила поведения.

Основу формирования норм составляет интерес, точнее - взаимодействие различных интересов¹, в рамках которого происходит

¹ В данной статье нас интересует именно этот момент, составляющие же интерес (экономические, политические и иные) факторы - предмет самостоятельного исследования /1/.

поиски интегрирующего качества, выражающего специфику отношений и удовлетворяющего всех участвующих в нем. Сначала это происходит среди немногих. Обнаруженная ими эффективность, длительная стабильность деятельности, основанной на выработанной норме, привлекает внимание и вызывает подражание со стороны других, менее удачливых сообществ. Таким образом норма усваивается и распространяется среди сообществ, пока не станет достоянием всего общества. То, что она стала достоянием общества, не означает ее автоматического перехода в достояние каждого его члена, хотя для большинства такая норма представляет безусловную ценность. В зависимости от степени поддержки и складывается дальнейшая судьба нормы: в том случае, когда она естественно принята многими, гарантом ее соблюдения остальными выступает сила общественного мнения и, зачастую, здесь нет необходимости прибегать к иной власти; когда же этого не достаточно, на помощь призывается закон. Закрепление нормы в законе может быть и констатирующим, и опережающим. Последнее сейчас происходит у нас по многим направлениям, но в таком случае закрепляется тенденция, а не существующая норма, ее еще нет как достояния общества. Задача законодателя в подобной ситуации — не только дать норму, но обеспечить и механизм ее формирования в обществе, пробудить у людей заинтересованность в ее претворении.

Второй вариант является в определенной мере искусственным и насильственным по отношению к индивиду, так как он идет не от его интересов, а, наоборот, его интересы внешней силой признаются незначимыми и ему навязываются иные, которые, может быть, и соответствуют тенденциям исторического развития человечества, но пока лежат вне плоскости частной жизни, вне сознания конкретного человека.

В каком бы варианте мы не говорили, главная проблема — принятие человеком ответственности за претворение в своей деятельности нормативного предписания¹. Если норма принята большинством членов общества, позволяет реализовать частные интересы и облечена в правовую форму, можно сказать, что в ней заключена ответственность каждого перед каждым, объективирована абсолютная ответственность²,

¹ Понятие ответственности, применительно к этому, связывается нами с внутренней нравственной мотивацией человека /2/.

² Ранее нами в подобной ситуации, при рассмотрении вопроса о сущности уголовной ответственности, применялось обозначение "ответственность в статике" /3/.

гарантом которой служит государственная власть, в свою очередь ответственная перед обществом. В том случае, когда человек по каким-либо причинам нарушает норму, он тем самым демонстрирует отсутствие у него субъективного чувства ответственности. Задача государственных органов, общественных институтов состоит в том, чтобы при действительной значимости нормы сформировать ответственность у лица, ее нарушившего.

Способов решения поставленной задачи может быть несколько. Традиционным для советского периода я в л я е т с я властное воздействие на субъекта, несущее ему серьезные ограничения и страдания без учета личностного восприятия их. Главны: было — "подчинись, смирись", иначе будешь раздавлен репрессивным механизмом. По закону предписывается выяснить причины и условия совершения преступления, но стоило ли э т о делать, если в теории под причинами понимали "родимые пятна капитализма"¹, условия же зачастую сводились к ситуации конкретно совершенного преступления, в силу чего они в определенной мере теряли психологическую значимость. Можно ли было при т а к о м подходе сформировать ответственность у субъекта? Ответ лежит на поверхности: чем более насильственной была ломка структуры личности, тем сильнее человек сопротивлялся э т о м у. О силе сопротивления можно судить по числу лиц, вновь возвращавшихся в тюрьмы и колонии². Следовательно, нужно искать другой способ решения проблемы, для чего необходимо прежде всего четко и однозначно определить, через достижение каких целей можно сформировать ответственность у правонарушителя. Если традиционный способ рассмотрения ориентирован на наказание, то в конструируемом здесь главным должно быть исправление и перевоспитание личности. Наказание, в новом соотношении, должно быть средством, а не целью. Точнее, это комплекс средств воздействия, ограниченных временными

¹ В одной из последних по времени работ в области криминологии по-прежнему утверждается, что в СССР ликвидированы коренные причины преступности /4/.

² Среди осужденных, находящихся в местах лишения свободы за совершение насильственных преступлений, более 60% судимы неоднократно /5/.

рамками, направленный на исправление и перевоспитание лица. Ка-
рательное содержание применяемый их должен отбрасывать. По сути,
в рамках правоприменения нужно решать конкретную педагогическую
задачу по социализации лица с отклоняющимся поведением. Подобно-
го рода работа должна быть проделана в рамках общественных отно-
шений, регулируемых разными отраслями права, объединенными реше-
нием задачи выработки нового системного качества. Определение на-
казания при вынесении юридически значимого решения - начало рабо-
ты, она продолжается в рамках пенитенциарной системы, но вряд ли
здесь же заканчивается, ведь реально социализация произойдет за
ее пределами, а внутри подготавливаются лишь основания для э т о г о.

Можно было бы долго, в плане критики, писать о том, каким
образом в настоящее время определяется наказание и почему сло-
жился такой подход. Опуская ее, /6/ сразу перейдем к выводу: при
определении наказания в основном учитывается характер и степень
общественной опасности деяния, личность же как таковая во всем
своем сложном многообразии из э т и х подсчетов выпадает. Вы-
падает хотя бы по той причине, ч т о законодатель в уголовном
законе четко на нее не ориентируется, а в уголовно-процессуальном
законе, в силу его обвинительной конструкции, формулировка "обсто-
ятельства, подлежащие доказыванию", требует от правоприменителя в
основном установления деяния и виновности лица, его совершившего.
Применительно к данной ситуации можно констатировать - произошла
объективизация наказания, или, если быть более точным, - объектив-
ное вменение наказания.

Подобное впервые было замечено не нами. Р.Марусте писал:
"В судебной практике основное внимание уделяется изучению преступ-
ника как субъекта преступления. Меньше суд интересуется преступни-
ком как объектом наказания ..." (7). Для приближения момента на-
казания к субъекту формулировалось предложение об использовании
познаний психологов не только в традиционных рамках судебно-пси-
хологической экспертизы, но и при решении вопроса об определении
наказания. Но что для них в данном случае явилось бы основанием
для дачи рекомендации суду - данные, которые собирают по закону
при расследовании и рассмотрении уголовных дел? Но ведь, как бы-
ло показано, они сориентированы на деяние, на субъекта, но не на
личность. Следовательно, прежде чем возлагать на специалиста-пси-
холога новую задачу, необходимо подумать, есть ли условия для ее
решения, а их в настоящее время пока нет, и возникнут они только

после серьезной корректировки закона в плане формулирования в ряде отраслей скорректированных целей деятельности правоприменителей, определения в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию, (сейчас их там вообще нет) тех, установление которых позволило бы назначить наказание с учетом личности человека, совершившего преступление, в целях его исправления и перевоспитания. Для реализации этого, возможно, придется прибегнуть к поиску дополнительных средств. Если реформа законодательства, набросанная здесь штрихами, произойдет, если культура прав применителей будет соответствовать нормативным, то можно надеяться на качественно новый уровень определения наказания, при котором привлечение специалиста-психолога потребуется только в особо сложных случаях. Представляется, что если новому юристу и предстоит с кем-то сотрудничать на постоянной основе, так это социальным работникам¹.

Профессия "социальный работник" - новая в истории нашей страны гуманитарная профессия. Появление ее обусловлено тем реформированием, которое происходит в обществе, осознанием значимости личности, позитивного разрешения ее проблем в плане поступательного развития общества. Декларация "все во имя человека, все для человека" в обновленной России должна быть переведена в практику повседневной жизни, чему не в малой мере будет способствовать деятельность социального работника.

Близость профессии социального работника к профессии юриста определяется тем, что главным объектом взаимодействия они имеют личность как уникальную целостную систему, которая в своей жизнедеятельности вошла в противоречие, конфликт с существующими нормативными предписаниями. От степени значимости норм и, соответственно, остроты конфликта зависит, кто из них примет на себя основную тяжесть работы: при выявлении девиантного поведения - социальный работник, при делинквентном - юрист. Социальный работник

¹ Деятельность социального работника в развитых странах сопровождает человека от рождения до смерти, и описать все ее многообразие в рамках данной статьи не представляется возможным, здесь выделен только один эпизод, в основе которого лежит отклоняющееся поведение, что позволило сделать попытку оформления межпредметных коммуникаций с юристом.

должен прилагать усилия для устранения причин и условий формирования девиантного поведения, препятствовать его перерастанию в делинквентное, при совершении преступления под руководством и в кооперации с юристом создавать условия для исключения возможности рецидива, успешной социальной реабилитации.

Для того, чтобы сформировать ответственность у нарушителя, деятельность социального работника и юриста должна подчиняться одному алгоритму: кроме получения данных о том, что было совершено деяние и лицо виновно в его совершении, необходимы данные, позволяющие построить прогноз о том, какая мера воздействия может дать искомый результат. Последние мы получили, изучая прошлое, настоящее и будущее индивида, выявляя закон построения им отношений в различных сферах жизни и истоки формирования им этого закона.

Возможно, у читающего складывается представление о полной идентичности названных профессий, значит, нам необходимо показать и отличия. Первое заключается в том, что представители этих профессий стоят на разном расстоянии от человека и его проблем: наиболее близок к человеку социальный работник, юрист же, по предназначению, должен защищать существующий правопорядок. Отсюда у социального работника большая степень свободы при решении проблем человека, работая над ними, он ищет вариант, приемлемый для человека. Юрист в свою очередь должен укладывать найденное решение в существующую правовую норму. Основой деятельности социального работника могут быть только общечеловеческие ценности, юрист же не свободен от влияния политики, ведь юридическая норма во многих случаях является результатом политического компромисса. Социальный работник выступает посредником между гражданином и государством, юрист — представителем государства. Деятельность посредника предполагает возможность влияния как на одного, так и на другого контрагента в плане снятия основания для конфликта между ними, юрист лишен возможности активно влиять на институты государственной власти. Имеются различия между социальным работником и юристом по технологии работы, но последнее — предмет для отдельного самостоятельного исследования.

Приведенные отличия не исчерпывают всех возможных, в определенной мере они являются гипотетическими в силу отсутствия в нашей стране сформированного института социальной работы. Но в то же время, мы считаем, исходя из приведенных общих оснований той

и другой деятельности, что они не будут препятствовать успешному взаимодействию представителей двух гуманитарных профессий. Оптимизм в этом подпитывается и тем, что в истории дореволюционной России (до 1917 г.) был, а в западных странах и сейчас существует пример подобного взаимодействия. Речь идет, в первую очередь, о специализированных судах по делам несовершеннолетних /8/. Первый такой суд в России начал свою деятельность в январе 1910 года. При суде был сформирован штат попечителей, в задачу которых входило изучение личности несовершеннолетних правонарушителей, условий их жизни и воспитания. Полученные сведения об обстоятельствах жизни несовершеннолетнего они доводили до судьи, что помогало последнему выработать правильную меру воздействия на нарушителя.

Изучение этого дореволюционного опыта России и опыта Западных стран поможет в теоретическом плане отработать схему взаимодействия между социальным работником и юристом для предотвращения многих ошибок на практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пригожин А.И. Организации: системы и люди М., 1983. С. 41.
2. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984. С. 67.
3. Барабаш А.С., Володина Л.М. Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования (ст.6²-9 УПК РСФСР). Томск, 1986. С.16.
4. Номоконов В.А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. С.15.
5. Голик Ю.В. Преступность в СССР: проблемы старые и новые// Сов. государство и право. 1991. № 2. С.22.
6. Барабаш А.С. Новое мышление в праве и правоприменении// Вопросы уголовной политики. Красноярск, 1991. С.64-65; Тер-Акопов А.А. Основания дифференциации ответственности за деяния, предусмотренные уголовным законом// Сов. государство и право. 1991. № 10. С.75-76.
7. Марусте Р. О некоторых возможностях расширения сферы применения психологических специальных познаний при установлении признаков субъекта преступления// Использование специальных знаний в советском уголовном процессе. Тарту. 1984. С.41-43.

В. Николюк В.В. Суды для несовершеннолетних: история и опыт их организации// Сов. государство и право. 1991. № 5. С.77-83.

С.Д.ЧИГАНОВА

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ПОДРОСТКОВ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Современный период общественного развития, связанный с ломкой и преобразованием общественных связей и отношений, ценностей, идеалов и других социальных ориентиров, делает особо актуальной проблему социализации детей и подростков.

Дети входят во взрослое сообщество через освоение социальных норм, служащих регуляторами общественных отношений. В младшем возрасте такое освоение, интериоризация норм происходит прежде всего в семье. Но уже в 12 - 13 лет наступает особый период повышенной предрасположенности к усвоению социальных норм более широкого круга отношений. Дети постигают мир сложных "взрослых" отношений и учатся овладевать своим поведением, самостоятельно выстраивая его адекватно возникающим ситуациям. В то же время в усвоении социальных норм проявляется известная избирательность, определяемая накопленным индивидуальным опытом. Наиболее интенсивно протекает данный процесс в возрасте 13 - 15 лет. При этом возникает особое соотношение двух тенденций социализации - типизации и индивидуализации. С одной стороны, подросток стремится к принадлежности определенной группе, к идентификации с тем или иным эталоном, ориентируясь на задаваемые извне стандарты и требования. С другой стороны, для него важно выразить себя, утвердиться в своей неповторимости, стать самостоятельным активным субъектом социальной жизни.

Индивидуальное сознание подростка обычно достаточно насыщено социальными знаниями, т.е. знаниями относительно существующих в обществе норм поведения. Однако, во-первых, эти нормы в процессе усвоения доопределяются и переформулируются подростком, в результате чего их смысл может совершенно искажаться. Например, норма "чужого брать без спроса нельзя" доопределяется, дополняясь указанием на условие: "Если это может быть кем-то замечено".

Таким образом, норма приобретает новое содержание: "Чужое брать можно, если э т о никем не будет замечено". В наших беседах с детьми, направленных на выявление т а к и х индивидуальных норм, достаточно часто можно было проследить трансформации подобного рода. Во-вторых, очень многие нормы остаются на уровне знаемых, но не присвоенных. Подросток хорошо знает о существовании той или иной социальной нормы, но не считает ее обязательной для себя, не опосредует е ю с в о е собственное поведение. В целом же оказывается, что реальное поведение подростка зачастую определяется действием факторов групповой социализации, т.е. нормами, принятыми в ближайшем социальном окружении. Однако требования, диктуемые непосредственным социальным окружением, далеко не всегда соответствуют общественным ценностям и нормам. Более того, асоциальные подростковые группы, например, главным условием членства предполагают асоциальную направленность личности и соответствующее поведение своих участников. Успешно социализировавшийся в т а к о й группе подросток, полностью усвоивший ее ценности и нормы, оказывается противостоящим обществу в целом, а поведение его с точки зрения общественных социальных норм признается отклоняющимся. Э ф ф е к т и в н ы й процесс подобной социализации лишает подростка подлинного социального развития, заставляет его вырабатывать убеждения и ориентации, нежелательные для общества. Т а к о е воздействие социализации имеет место в тех случаях, когда индивид лишен свободы выбора референтной группы. Показательной в э т о м плане я в л я е т с я социализация "трудных" подростков, которые в силу недостатков семейного воспитания и школьной неуспешности оказываются сначала в положении аутсайдеров, затем объединяются в аутсайдерскую группу, противостоящую группе "успешных" сверстников. Для детей-аутсайдеров пространством самореализации становится девиантное поведение в различных его формах: правонарушения, пьянство и т.п. Вхождение во взрослое общество осуществляется как бы "с черного хода", через освоение наиболее негативных сторон взрослой жизни.

Переход от детства к взрослости, как известно, тем сложнее, чем больше различаются требования, предъявляемые обществом к детям и к взрослым. Различные социальные институты, и прежде всего семья и школа, ответственны за организацию постепенного вхождения ребенка в мир взрослых. Но в нашем обществе э т а функция семьи

существенно искажена. Дело даже не столько в том, что конкретные нормы, определяющие отношения в семье, далеко не всегда соответствуют общественным идеалам, хотя известно, что зачастую именно в семье ребенок впервые видит образцы грубости и неуважения к другим людям, агрессивного поведения, пьянства и т.д. Гораздо более негативные последствия для развития личности ребенка влечет эмоциональная депривация, дефицит родительской любви и заботы. Не принимаемый либо условно принимаемый ("я тебя не буду любить, если будешь плохо учиться") родителями ребенок чувствует себя беззащитным перед полным опасностей окружающим миром, а отсюда чувство недифференцированного страха, трансформирующееся в личностную тревожность, и агрессия как основная защитная реакция. Социальные нормы представляются нормами чуждого и враждебного окружения, и потому активно отторгаются ребенком. Постепенно формируются негативные установки в отношении любых требований, предъявляемых от имени взрослого сообщества, тем более что они подкрепляются зачастую негативным опытом самого ребенка, приобретаемым в результате контактов со взрослыми. Заметим также, что личностная тревожность, лежащая в основе социальной дезадаптации и отклоняющегося поведения, может быть и следствием иных недостатков семейного воспитания, в частности, прямо противоположных рассмотренному выше отвержению — воспитанию в условиях гипертрофированной опеки, по типу "кумир семьи". В этом случае источником тревоги служит ощущение враждебности окружающего мира, внушенное родителями через осуществление ими гипертрофированной защиты от контактов с социальным окружением.

Практически все дефекты социализации подростков оказываются так или иначе связанными с недостатками семейного воспитания. Отметим, что в большинстве работ, посвященных отклоняющемуся поведению детей и подростков, авторами особо выделяется определяющая роль семейного воспитания, предлагаются классификации неблагоприятных семей, способы психолого-педагогической коррекции детско-родительских отношений.

Думается, что важнейшей задачей социального работника является оказание помощи проблемным семьям в разрешении трудных ситуаций, связанных с воспитанием детей. Прежде всего социальный работник должен определить, каков характер проблем той или иной семьи и в соответствии с этим решать, какого рода помощь требуется в данном случае. Так, если для педагогически

несостоятельных семей с общей позитивной направленностью основной вид помощи — консультирование и обучение родителей основам психолого-педагогических знаний, то для семей с выраженной антисоциальной направленностью, когда дети и подростки вовлекаются в пьянство и преступную деятельность, главной помощью может оказаться своевременная постановка вопроса о лишении родителей родительских прав и передаче детей под опеку. Еще раз подчеркнем, что первой важнейшей задачей в процессе развертывания социальной работы в микрорайоне является задача определения семей, по разным причинам не обеспечивающих социализирующую функцию, а затем определения характера этих причин и форм социальной помощи. Думается, что и социализирующая функция школы также не обеспечена должным образом. Знания о законах общественной жизни зачастую не подкрепляются личным опытом подростка, а потому целый ряд социальных норм остается на уровне "знаемых", т.е. не присваивается подростком и не включается в механизм саморегуляции своего поведения. Отметим одну важную особенность школьного воспитания, которая особенно ярко наблюдалась совсем недавно в работе школьной пионерской и комсомольской организаций, а сейчас является причиной дезориентированности и растерянности многих педагогов. Эта особенность состоит в своеобразной экстремальности педагогического мышления относительно регулятивной функции социальных норм. Дело в том, что данная функция по-разному реализуется в социальных нормах различных типов. Так, нормы-идеалы представляют собой социально желательную модель поведения, для массовой реализации которой еще не сложились социальные условия. В отличие от них нормы-стандарты есть те реально действующие социальные нормы, выполнение которых обязательно для индивида, занимающего определенную социальную позицию и претендующего на определенную общественную оценку своей деятельности /1/. Школа же зачастую предъявляла к своим питомцам требования, предполагающие реализацию в их повседневном поведении норм-идеалов. Формально такие требования были закреплены, скажем, в правилах октябрят и законах юных пионеров. Пренебрежение различием норм-идеалов и норм-стандартов, подмена первыми вторых не могли не привести, с одной стороны, к девальвации идеалов, поскольку для детей быстро становилось очевидной их нереализуемость в существующих условиях, а с другой стороны, — к дезориентации детей в социальной действительности.

Стремительно меняющаяся социальная ситуация еще более усугубляет дезадаптацию подростков. И педагоги чувствуют себя бессильными

им помочь. В беседах с учителями, работниками внешкольных воспитательных учреждений часто приходится слышать: "Что я теперь могу сказать детям, чего от них требовать, если вокруг такое?" Здесь наглядно проявляется характерный для школьного воспитания познавательный подход к освоению социальных норм и преобладание вербальных методов воздействия. Общечеловеческие ценности, высокие нравственные идеалы добра и справедливости и соответствующее им нравственное поведение не утрачивают своей социальной ценности ни при каких общественных изменениях. Но можно ли на словах объяснить детям, что "так должно быть"? Знание о том, какими должны быть отношения между людьми, не подкрепленные собственной практикой участия в этих отношениях и их построения, думается, не создают даже мотивационной основы для коррекции собственного поведения у подростков. Если для подростков из благополучных семей подобная практика так или иначе присутствует в семейных отношениях, т.е. получаемые в школе знания ложатся на подготовленную для их восприятия почву, то негативный опыт детей из проблемных семей препятствует присвоению предлагаемых позитивных норм, поскольку их принятие неминуемо оказывается связанным с переоценкой себя, своей семьи и ее внутренних отношений, а для ребенка эта процедура весьма болезненна, поскольку связана с понижением самооценки.

Вряд ли школе по силам решение задачи коррекции поведения и социальной адаптации "трудных" детей и подростков, сомнительной представляется и сама правомерность постановки перед ней такой задачи. Базовый процесс, который призвана обеспечить школа, это процесс обучения, где знаниевый подход целесообразен и эффективен. Задача психолого-педагогической коррекции поведения детей и подростков в случаях их социальной дезадаптации, приводящей к различного рода поведенческим девиациям, должна решаться, как представляется, работниками социальной службы. Арсенал средств для решения этой задачи может быть весьма разнообразен, но в конечном счете они сводятся к организации такой социальной практики, которую позволила бы подросткам на себе испытать действенность социальных норм, предлагаемых ему как желательные.

Подростковый возраст характеризуется реакцией повышения значимости группы сверстников, к которой принадлежит подросток, в продолжающемся процессе его социализации. В общении со сверстниками опробуются социальные нормы, усвоенные в семье, в школе и

других социальных структурах организованного взаимодействия детей со взрослыми, ведь юность — время социальных проб, и чем больше спектр возможностей для них представляет общество подросткам, тем более богатым станет личностное содержание последних. Нельзя не отметить в связи с э т и м, что и прежде небогатое разнообразие форм работы с подростками в нынешние трудные времена постепенно сходит на нет. Прекращено финансирование детско-подростковых дворовых клубов, спортивных школ и секций, клубов ДОСААФ. "Не по карману" нам оказываются детский туризм и имеющиеся формы летнего отдыха. Таким образом, подросток оказывается лишенным возможности вырваться хотя бы на время из привычного социального окружения, к о т о р о е, как уже говорилось выше, далеко не всегда создает необходимые условия для нормальной социализации, и уж во всяком случае не предполагает никакого социального экспериментирования со стороны подростка. Если подростки все же осуществляют социальные пробы, как того требует особенность их возраста, то очень часто в неприемлемой для общества форме. Однако именно общество должно позаботиться о том, чтобы подобные пробы происходили, так сказать, на безопасном материале. Причем безопасность должна быть обеспечена как для самих подростков, так и для окружающих. Нерешенность э т о й задачи приводит к тому, что стремление к материальной независимости и обеспеченности у подростков реализуется в совершении корыстных преступлений, поскольку формы легального заработка для детей и подростков весьма ограничены и по характеру, и по материальному результату. Еще более трагичным оказывается самостоятельное экспериментирование подростков в такой важнейшей сфере человеческих отношений, как отношения половые. Здесь социализация протекает зачастую исключительно под воздействием эротических фильмов, соответствующей "литературы", издаваемой кооперативами, и ровесников, имеющих сексуальный опыт. При э т о м содержание половых отношений низводится до примитивно-зоологического уровня, и начисто отбрасывается действительно социальная, межличностная, духовная их сторона.

Безопасность социальных проб подростков может быть обеспечена в случае, если освоение различных общественных отношений осуществляется в специально подготовленных условиях. Таким условием, как представляется, должна быть организация детей и подростков, когда необходимая нормативная основа отношений может привноситься взрослыми либо создаваться подростками самостоятельно, но

при возможности контроля со стороны взрослых. Примером эффективного социализирующего воздействия может служить деятельность пионерской организации. Массовым тиражом она из нормальных, очень разных ребятшек штамповала "винтики", людей, избавленных от индивидуального выбора и индивидуальной ответственности, умеющих шагать только строем и иметь только общее мнение. Но не надо забывать, что организация — только механизм, а как механизм пионерская организация работала весьма результативно, четко выполняя социальный заказ. Организация обеспечивает принятие ее членами тех или иных норм. Содержание же норм, характер задаваемых ими отношений определяется целью, которая стоит перед организацией. Например, известное коммунарское движение обеспечивало такую работу организации, при которой главным было не содержание предметной деятельности, а характер формирующихся позиций и отношений, а также практика их построения на принципах безусловной ценности человеческой личности, ее права на свободный выбор позиции и поступка и ответственности за этот выбор. Заметим, что эффективными с точки зрения социализации могут быть организации с самой разнообразной предметной деятельностью. Важно, чтобы она (деятельность) давала возможность для построения на ее основе разнообразных отношений как между самими детьми, так и с миром взрослых. Причем важно, чтобы форма и содержание данных отношений становились предметом обсуждения и анализа, в результате чего дети сами бы учились строить конструктивные отношения, разрешать возникающие конфликты и т.д. При этих условиях создается возможность для того, чтобы дети и подростки в ходе обсуждения сами вырабатывали те локальные социальные нормы, которые должны определять и регулировать отношения в их организации. Приняв участие в выработке норм и правил жизни своей организации, подросток становится их носителем и стремится к их реализации. Заметим, что подростки, усваивающие готовые, идущие от взрослых нормы, часто относятся к ним формально. Нормы же, выработанные и опробованные на собственном социальном опыте, реализуются через поведенческие установки личности и таким образом становятся надежным регулятором поведения. Важно, чтобы позитивные социальные нормы, усвоенные в организации, не замыкались только на отношениях членов данной организации, а переводились в более широкий социальный контекст.

В связи со сказанным можно утверждать, что важнейшая задача

социальной работы заключается в создании различного рода организаций, обеспечивающих социализацию детей и подростков, с одной стороны, в среде сверстников, а с другой — при непосредственном участии взрослых. Э т о могут быть, как правило, различные формы организации досуга. Но, безусловно, положительную роль способны сыграть и такие организации, к о т о р ы е дают подросткам возможность заработка денежных средств. Что касается досуговых организаций, то они могут строиться на основе любой предметной деятельности. Но не она выступает главной в плане социальной работы. Нужны не кружки по типу тех, что создаются в школах и домах пионеров (их основная цель — обучение конкретным навыкам: выжигание, моделирование и т.д.), а клубы, где главным я в л я е т с я общение людей, первоначально объединенных общим увлечением. Клубная работа по содержанию принципиально отличается от кружковой, а э т о значит, что руководителем подросткового клуба должен быть не столько специалист по тому или иному виду спорта, искусства или ремесла, а специалист в области организации общения. В процессе общения возникают возможности формирования специальной социальной практики для подростков и возможности коррекции поведения в случаях поведенческих девиаций. Клубные структуры дают возможность решать задачи помощи семье в воспитании детей, поскольку к работе клуба по интересам могут подключаться и взрослые члены семей подростков. Но поскольку э т а работа весьма сложна, за нее могут приниматься руководители клубов, уже имеющие опыт работы с подростками.

Подводя итог сказанному, мы можем, в качестве основных задач социальной работы, связанных с обеспечением нормальной социализации подростков, выделить с л е д у ю щ и е:

- помощь семье как главному звену в процессе социализации детей и подростков в разрешении трудных ситуаций, связанных с воспитанием детей;

- помощь школе в организации внеурочной работы с детьми и подростками, в особенности нуждающихся в повышенном внимании педагогов и психологов из-за особых условий формирования их личности, особенностей характера или отмеченных случаев девиантного поведения;

- создание организационных структур, прежде всего в сфере досуга, для позитивной социальной практики подростков;

- социальная защита детей и подростков, оказание им помощи —

в трудоустройстве и предоставлении возможности законного заработка нуждающимся.

Библиографический список

И. Балл Г.А. Нормы деятельности и творческая активность личности // Вопр. психологии. 1990. № 6.

Г.Р.МОСКВИН.

КУЛЬТУРА И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Мы принуждены начинать новое дело в полне определенной обстановке - обстановке разрушения самой системы культуры и вытекающей из этого неукоренелости всякого образования. Кроме того, преподаватели, занимающиеся подготовкой будущих социальных работников, сами являются носителями культурной разрухи и, не изменившись, могут только воспроизводить современную ситуацию.

Мы слишком привыкли связывать изменения в обществе со "средой", но, прежде всего, слишком рассчитывая на политические и макросоциальные подвиги, которые каким-либо образом скажутся на ситуации образования. Важность содействия таким макросоциальным изменениям видится в обновлении содержания, транслируемого в образовании. Под содержанием понимаются новые нормы, в которых идеальное, должное противопоставляется "неправильному", существу. "Как все должно быть" уже якобы хорошо известно, надо только "как следует" доложить об этом миру (т.е. внимающим по долгу субординации юношам и девушкам, попавшим под наше образовательное воздействие).

Это утопическое по своей сути мышление. Утопическим мышлением является не в силу особого содержания, с которым оно обращается, - оно определено его структурой. Именно преодоление структуры выступает как важнейшая культурная задача. Попытаемся в общих чертах описать эту структуру.

В качестве кличевого феномена утопического мышления необходимо

выделить тоталитарный дискурс. Тоталитарным будет всякий дискурс, требующий унификации в качестве предпосылки понимания. Эта унификация должна быть осуществлена самим индивидом, прежде, чем он окажется способен воспринимать то, что до него пытаются довести в дискурсе. В противном случае он будет подвергнут насилию или исключен из социума, объединяемого особенной манерой говорения и объяснения. Тоталитарный дискурс, с другой стороны, означает обесценивание языка, как средства выражения переживания и, следовательно, как носителя и средства передачи опыта.

Мы в данной статье не будем касаться проблемы дискурса во всем ее объеме - для небольшой работы это не нужно. Рассмотрим вопрос с одной стороны.

Уже в школе индивид оказывается в среде языка, не называющего вещи, а рассказывающего о ..., т.е. в среде метаязыка, за которым не стоит ничего. Бесконечные объяснения замещают выражение реальных переживаний. Этот метаязык организован квазилогически, т.е. имеет структуру А-В-С-Д- ... (если А, то В, если В, то С, если С, то Д. и так до не ухватываемого никаким мышлением н а ч а л а. Другим ключевым моментом метаязыка выступают определения редукции многообразия к некоторой простоте, причем эта простота сама не есть нечто переживаемое как деятельное единство, а есть только то, на что у к а з ы в а е т с я как на общее (причем указание должно приниматься на веру). Такое определение не является действительным определением, но выступает как чисто словесная конструкция.

Язык школы выражает язык культуры в целом. Семьдесят четыре года идеологизации (если не гораздо больше) не прошли даром. Наперед заданное объяснение (система идеологических догм) закрывает дорогу открытию как сущностному моменту всякой логической процедуры и основе всякого опыта. Открытие предполагает фиксирование переживания новизны (т.е. остановки действия накопленных стереотипов понимания) и выражение этого переживания в такой языковой форме, которая побуждает другого к аналогичному переживанию. Уникальное переживание новизны тогда становится действительным открытием, когда находится соответствующее выражение в языке, делающее уникальное общезначимым. "Общезначимость" не представляет собой простую одинаковость для всех. Скорее общезначимым становится то, что приводит сознание в и з м е н е н н о е

состоит в том, последнее есть транс (в том смысле, в котором о нем говорил М.Эриксон) "открытость миру" (М.Хайдеггер) или "удивление" (еще Аристотель). В русской философской традиции пробуждение к удивлению рассматривается как суть работы языка (о П.Флоренский, А.Ф.Лосев). Все эти термины с различных точек зрения описывают феномен конструирования личности через пробужденные речью (т.е. языком, нацеленным на выражение) новые способы получения информации и новые способы ее организации.

Новое есть включение того, что ранее не "относилось к делу", в контекст; т.е. метафора. "Контекст" задает действительность, т.е. эстетическое целое, подчиняющееся законам меры и гармонии частей. В свою очередь эстетическое целое задает реальность системе переживаний, в котором коренится смысл. Новое всегда - расширение контекста, т.е. подключение переживания другого, аналогичного совокупности переживаний элементов контекста. Речь, выводящая новое в открытость, связывает эстетическое целое контекста с единицей, о которой говорится как о смысле. Контекст выступает как другой способ представления информации, выражаемой текстом. Можно, например, с определенной долей условности, сказать, что контекстом алгебры выступает геометрическое построение. Контекстом слова в художественном произведении - визуальный образ или кинесетическое "проигрывание" описываемой единицы.

Языковая практика должна нести в себе поэтическое начало, т.е. она должна быть способной "включать" все системы представления и побуждать к развертыванию целостного опыта: метаязык, о котором говорилось выше, по своей природе не приспособлен к этому, - он лишен "поэзиса", и не развертывает никакого контекста. Попытка ликвидировать этот недостаток может выливаться в исторические изыскания "корней" того или иного феномена. Но такое историческое изыскание само может происходить в рамках метаязыка, т.е. не побуждать целостного переживания.

Результатом тоталитарного дискурса выступают особые межличностные отношения. Не имея возможности побудить партнера по диалогу к какому-либо действию (или если такая возможность случается спорадически), индивид вынужден для реализации своих целей прибегать к тому или иному насилию. Власть в нашей культуре всегда тоталитарна, поскольку не способна к иному действию, кроме навязывания некоторого содержания как обязательного и опирающегося на

непосредственное насилие или на обман.

Нам важно отметить еще один момент. Столкновение с метаязыком происходит в весьма нежном возрасте (в семье и в школе). Метаязык подавляет естественную спонтанность поведения ребенка. Происходит обесценивание попыток "нелинейного" поведения. Изменения в школе мало коснулись способов коммуникации, а сосредоточились пока на демократизации отношений между администрацией, учителями и учащимися. Это - предпосылка изменений, но еще не сами изменения. Большее пространство для проявления получает личность учителя, фактором образования становится "обаяние", гибкость, "личностная сила". Но тоталитарно-дискурсивная сущность коммуникации остается непоколебленной. Только на место одних объяснений поставлены другие.

Если рассматривать культуру как процесс культивации "сущностных сил" человека, то современную культуру России можно назвать болтливой. Из всех способностей, данных человеку Богом или природой, культивируется одна - способность говорить. Все остальные способности развиваются спонтанно. Достаточно бросить взгляд на вершину российской политической жизни - съезд народных депутатов. Можно также задуматься о сложности потребления продукции, выпускаемой промышленностью, сделанной так, как будто изготовитель никогда не пытался прочувствовать процесс их потребления. Школа буквально гипнотизирует своих учащихся, и навязывает им только один способ переживания информации, ограничивая возможное многообразие понимания и возражения, что имеет два последствия. Во-первых, ограничиваются возможности контакта между индивидом и ситуацией (в том числе контакта с другим индивидом), результатом чего оказывается недоверие к собственному пониманию и стремление спрятаться за авторитет. Постоянное сокрытие за авторитетом приводит, в свою очередь, к настоящему уходу из ситуации, требующей максимальной самореализации. Это - опустошение жизни, компенсируемое поисками экстраординарных переживаний, что в предельном своем выражении может вести к девиантному поведению. Во-вторых, постоянное обращение в сфере метаязыка тренирует определенный способ самореализации и напряжения сил. Когда ситуация требует напряжения чувств, индивид оказывается заранее обессилленным. На многие начинания не хватает энергии, что компенсируется опять-таки логическими упражнениями на тему: "а зачем все это надо?".

Два названных момента обуславливают неисторизм таким образом

воспитанного индивида. Неисторизм — отсутствие знания истории, которое может быть только напрасным напряжением памяти. Неисторизм есть постоянное обесценивание конкретных ситуаций. Избегание риска, всегда содержащегося в попытке предельной самореализации в поиске новых каналов получения информации и воздействия на ситуацию. Открытость миру — всегда риск, риск потери уверенности в себе, потери лица и т.д. От принципиального неисторизма нельзя спрятаться в изучении исторического материала. Изучение истории само по себе не способно заменить живое отношение к материалу, доставляемому жизнью, но, наоборот, умножает количество средств бегства от жизни, например, может стать паноптикумом авторитетов или коллекцией объяснений на все случаи жизни. Ф.Ницше в свое время поставил вопрос именно таким образом, удивительно, что современная страсть к истории не корректируется пророчествами великого мыслителя.

Объясняющий, но не выражающий метаязык должен получить действительную подоснову т.е. должен быть заново порожден язык, называющий вещи своими именами. Такое называние требует опыта — т.е. совокупности удерживаемых событий. Пространство событий освобождается деконструкцией стереотипных способов переживания и выражения. Первым шагом этого процесса выступает снятие вопроса "зачем". Тоталитарный дискурс внешне построен целесообразно. Каждая его единица существует постольку, поскольку есть целое объяснение, описывающее ("как бы") мир. Введение новой единицы должно быть полезно для предзаданного целого. Всякое новое должно утвердить себя в горизонте этого целого. Действительный язык (называющий язык), наоборот, существует в стихии (т.е. в неуравновешенном существовании) эмпирии. Эмпирия — свободная игра неуправляемых сил, в которой только и может проявиться природа вещей.

Событие происходит как движение от неупорядоченной игры сил индивида к порядку, удерживающему поведение этих сил, и проявляющемуся в игре. Событие также есть удержание эффективных, т.е. произведших воздействие на ситуацию форм выражения субъективных сил. Но игра не должна становиться риском без направления. Направление задается отбором эффективного и поиском многообразия, т.е. плодотворной избыточности, позволяющей видеть в ситуации больше, чем при поверхностном ознакомлении, и стимулировать действие дремлющих в рутине повседневности сил. Такой поиск и удержание

есть стратегия. Ее основой выступает этическая установка, христианская по своему существу. Диалог (а всякую ситуацию можно рассматривать как диалог) ведется с целью пробудить в партнере стремление к миру на основе разворачивания индивидуальных духовных усилий (впрочем, такая же установка лежит в основе Айкидо). Такая этическая установка требует личностных изменений, не могущих быть вызванными простым усилием воли. Умножение способностей психологически подкрепляет такую установку через постоянное наполнение жизни содержанием и историзмом, который есть полнота.

Сделаем некоторые выводы:

1. Процесс образования социальных работников требует предметности. В Красноярском отделении социальной работы обучение основано на трех базовых предметах: правоведение, психология, социология. Если эти предметы будут излагаться в горизонте метаязыка, то результатом будет прежде всего "схватка факультетов", вернее дисциплин – обесценивание материалом одного курса материалов других. Процесс образования может поэтому попасть в зависимость от случайных факторов, как то: личное обаяние преподавателя, его существенные способности, успешность в сфере так называемого бизнеса и т.д.

2. Бесконечные объяснения, к которым склонны в силу профессиональной подготовки и культурных навыков кадры преподавателей, могут вообще обесценить преподавание. Результатом такого обесценивания станет концентрация в социальной работе личностно слабых индивидов.

3. Метаязык неэффективен по своей сути (и не приспособлен к эффективности). Соответственно овладевшие металыковой практикой работники будут не эффективны.

Социальная работа, как и образование социальных работников исходит из наличной культурной ситуации. Следовательно, необходимо обращать внимание и рефлексировать дискурс, используемый в этих сферах. Речь идет о необходимости постоянной деконструкции тоталитарного дискурса (метаязыка) и поиска языковых средств действительно выражающих реальность.

Библиографический список

1. Аристотель Соч. в 4-х т. М., 1972. Т. I.
2. Лосев А.Ф. Философия имени; Лосев А.Ф. Избр. соч. : М., 1990.

3. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Избр. соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 2.

4. Хайдеггер М. О понятии истины // Разговор на проселочной дороге. М., 1990.

К.Г. ПОМРЕНИН

ПРАВО КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

1. Право как личный феномен

Представим себе парадоксальную ситуацию: в современном обществе отсутствуют нормативные акты, правоприменительные и контролирующие их органы, бюрократия и представительная власть, суд и арбитраж. Иначе говоря, все институты, реализующие право, отождествляемые нами с правом. Значит ли это, что в обществе нет права? Или другими словами: что есть право кроме институтов, его реализующих? Идеология? Несомненно. Но остается вопрос: благодаря чему право живет как идеология в голосе субъекта современного общества? Почему исчезновение отдельных правовых институтов (в недавней истории) не приводит к исчезновению идеи права? Почему индивид борется за право, называя его благом?

Один из вариантов ответа состоит в том, что право — феномен не только общественный (объективный, институциональный), но и личный (субъективный, психологический).

Попробуем выделить те черты права, которые существуют как личный феномен.

1. Право не столько интегрирует общество и личность, сколько делает личность автономной, самостоятельной единицей. Субъективное право наделяет личность таким качеством, которое позволит противостоять обществу и вступать с ним в договор на основе компромисса (признания ценности как личности, так и общества). Это качество — свободная воля¹.

¹ Подобная мысль изложена Гегелем в "Философии права" в следующем виде: "Воля всеобщая, потому что в ней сняты всякое ограничение

2. Субъективное право существует как внутренний (нравственный) закон (императив). Благодаря существованию этого закона индивид обладает сверхзадачей, подчиняющей себе его действия, что по сути и делает его личностью (существом, которое живет по идеальным законам, а не так, как это диктует окружающая его обстановка)*.

3. Право является концентрированным выражением практического рационализма. Поступая рационально, субъект действует правовым образом. (Право следует черпать из разума /2/).

4. Право собственности в самом простом виде существует неинституционально. Для его возникновения достаточно очевидного выделения предмета собственности. Лицо считает нечто своим, а другие знают об этом и считаются с его правом /3/.

5. Правовая ответственность не есть применение санкции норм. Ответственность есть психологический процесс (главным образом, изменения мотивации), в результате которого становятся другими действия субъекта. Попытка рассматривать ответственность объективно приводит к примитивизации анализа действий субъекта.

6. Самая простая вербальная форма договора между лицами — также неинституциональна. Она часто не предусматривает судебной защиты и тем не менее существует. Более того, она очень эффективна, поскольку договор опирается не столько на санкцию, сколько на добрые намерения сторон, на желание сохранить лицо и продолжать сотрудничество.

7. Обязанность заботиться о детях и родителях считается естественной. В большинстве случаев она существует помимо закона и принуждения.

и всякая особенная единичность, которая заключается лишь в различии между понятием и его предметом или содержанием, или, выражая это в другой форме, в различии между ее субъективным для — себя — бытием и ее в — себе — бытием, ее исключающей и заключающей в себе единичность" /1/. Гегель имел в виду, что категория "воля" позволяет все время объективировать субъективное (личность) и в тоже время не дает сводить субъективное к какой-либо определенной объективной форме выражения.

* Кант писал так: "... дух морального закона состоит в том, что один э т о т закон достаточен как мотив" /4/.

II. Сокрытое в праве

В чем же сила права? Сила, позволяющая овладевать индивидами и обществами. Сила, сохраняющая единый континуум европейской цивилизации. Право чрезвычайно обстоятельная (содержащая в себе нена-
сильственный авторитет) вещь. Однако секрет этого обаяния — авторитета — невозможно понять, препарируя правовые принципы, толкуя юридические нормы и прослеживая механизм правоприменения.

В данном тексте я изложу суть собственной гипотезы существования права. Она представляет из себя не исследование, а скорее, спекуляцию^ж. Спекуляция имеет цель создания практически ценной иллюзии, позволяющей мыслить право, избавляя голову от юридической и политической софистики. Важно овладеть пониманием права; механизм же его институционализации вторичен. Предвосхищая вывод, скажу, что "одевание" права в одежды юридической практики устарело и не соответствует духу времени.

Итак, что же есть право; если оно не юридическая и не политическая практика? Право — один из типов социально-психологической коррекции. Основной прием этой коррекции — создание иллюзорного мира, в котором поступки людей подчинены предельно ясной и внешне разумной этической системе. Подчинение достигается благодаря профанации природы этики, низведению трансцендентальных и рациональных вещей до уровня простых и объяснимых. Э т о т прием не имеет ничего общего с тем или иным социальным устройством, кроме того, что он использовался в течение веков для сохранения единства и стабильности европейской цивилизации. Такое использование породило натурализацию правовых иллюзий. Возникло идеологическое обоснование права, закрепляющее вторичные этические ценности: гражданское общество, законность, правосудие и т.д. По я в и л с ь специальные логики, регламентирующие пользование нормами права (натурализованными вторичными этическими нормами). Была создана правовая машина и обслуживающие ее профессионалы-юристы.

Является ли право искусственным, специально созданным феноменом? Только отчасти. Выдающиеся мыслители понимали природу права

^ж В значении — умозрительное философское построение.

и иногда влияли на нее /5/, поскольку теоретическое истолкование как-то влияет на идеологию. Однако в нынешней ситуации (особенно в России) утрачена связь между сущностью права и ее профанированным лицом, юриспруденцией*. Последняя подобна мудрецу, встреченному Зоратустрой, он верит в бога, а бог умер /6/. Право все меньше владеет умами людей. Переставая быть личным феноменом, оно агонизирует как социальная организация. Одна за другой уходят в небытие правовые реформы, не оставляя после себя ничего, кроме бесчисленных документов и неэффективных органов.

III. Право и момент начала в социальной работе

В современном мире право при смерти, но не одно оно. Глубокий кризис переживает наука, будучи профанирована до уровня экономической эффективности, религия — до уровня повседневной обыденности, искусство — до уровня массовой культуры, образование — до уровня специальной подготовки**.

Современная западная цивилизация ищет пути выхода из кризиса, составляя программы гуманитарного развития, реализуя традиционные социальные институты и создавая новые. Одним из таких новых институтов, занимающихся гуманитарной практикой является профессиональное сообщество социальных работников. При этом очевидно, что социальная работа имеет дело с индивидуальными и общественными социальными проблемами, и, оказывая помощь, она способствует гуманизации общества /7/. В нашей ситуации связь социальной работы с юриспруденцией возможна в силу следующих допущений:

I. Одна из главных задач социального работника —

постепенное замещение внешних (моральных, корпоративных) норм,

* Надо заметить, что в Русской культуре никогда всерьез не принимался тезис: "нет общества без права" /8/.

** Хайдеггер считал, что человечество утратило контроль над созданными им средствами существования (он называл их техникой). Техника перестала служить человеку, она заставляет человека служить своим целям /8/. Думаю, Хайдеггер точнее всех других мыслителей XX века уловил сущность кризиса западной и, в конечном счете, мировой социальных систем.

регулирующих поведение людей, нормами внутренними (нравственными). Юриспруденция же, пожалуй, единственная область знания и практики, где существует оформленный метод работы с социальной нормативностью.

2. Социальная работа требует профессиональной универсальности, достигаемой за счет специальных методов обслуживания, которые есть в профессиональном юридическом сообществе, так как оно в своей деятельности касается всех сторон человеческой жизни.

Таким образом становится возможным позитивное и постепенное уничтожение юриспруденции за счет трансформации ее в другой вид социальной практики, а эта трансформация необходима для реанимации права в современном обществе.

Библиографический список

1. Гегель Г. - В. - Ф. Философия права. М., Мысль, 1990. С. 86.
2. Гегель Г. - В. - Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 379.
3. См. Grimm Д.Д. Лекции по римскому праву. Рига: Давид Гликсман. 1924. С. 185.
4. См.: Кант. Об изначально злом в человеческой природе // Соч. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль. 1965. С. 32.
5. См.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права // Руссо "Трактаты". М., 1966; Монтескье Ш. Соч., М.: Политиздат, 1954.
6. См.: Ницше Ф. Так сказал Зоратустра // Соч., Т.2. М.: Мысль, 1990. С.6-8.
7. Учебные планы и программы подготовки социальных работников. (Из зарубежного опыта)/ Ответ. за вып. И.М.Лаврененко и др. М.: Институт молодежи, 1992. С.5.
8. См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. С. 157 - 158.
9. См.: Интервью М.Хайдеггера с журналом Шпигель / М.Хайдеггер. Философия. М.: Наука, 1991. С. 241 - 250.

Н.Г.СТОЙКО

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ДЕЙСТВИИ

Социальная работа в самом общем виде может быть определена как относительно новая область активной деятельности человека, направленной на создание системы мер социальной защиты населения от различного рода социальных отклонений /1/. Социальная работа в этом смысле есть отражение общественной потребности в урегулировании противоречий, вызванных такими отклонениями. Поэтому общей целью социальной работы является социальный контроль за отклонением от норм общественного развития. Таким образом социальный контроль может быть интерпретирован как социальная работа в действии.

С точки зрения социального контроля общество нуждается, во-первых, в сдерживании различных форм и видов социального отклонения, во-вторых, в возмещении убытков от такого отклонения и восстановления нормы, в-третьих, в предупреждении (профилактике) социальных отклонений.

Для удовлетворения упомянутой выше общественной потребности социальная работа в действии должна быть направлена на достижение трех целей:

- 1) выявление конкретных социальных отклонений;
- 2) их квалификация (определение степени несоответствия норме в общественном, межличностном и внутриличностном плане);
- 3) разрешение конфликтов /2/ (как формы существования противоречий, вызванных социальными отклонениями).

В соответствии с первой целью социальная работа в действии является познавательной деятельностью, направленной на установление конкретного случая отклонения от нормы через исследования внутриличностных, межличностных и общественно обусловленных социальных проблем.

В соответствии со второй целью социальная работа в действии - это процесс использования определенных норм (как уже выделенных практикой и оформленных в идеологии, праве, морали и т.п. в качестве эталонов, так и выводимых всякий раз путем изучения индивидуальных

и личностных свойств конкретного человека в качестве предела его возможного развития), для общественно значимой оценки того или иного социального отклонения и организации специального социального воздействия на него.

В соответствии с третьей целью социальная работа в действии представляет собой возложение ответственности /3/ на лиц, чье поведение отклоняется от нормы, и принятие этими лицами ответственности на себя.

Объективно — это переход от отклоняющегося поведения к норме (восстановление нормы). Субъективно — переход от негативной позиции (самоопределение, отражающее личностную устремленность к социальному слугу) к противоположной позиции (самоопределение, отражающее личностную устремленность к социальной пользе).

Негативная позиция служит главной характеристикой негативного конфликта /4/ как средства и метода осуществления общественного противоречия, вызванного социальными отклонениями. Негативный конфликт проявляется во взаимоотношениях между конкретными лицами, поведение которых отклоняется от нормы, с одной стороны, и другими лицами, группами, сообществами, обществом в целом, с другой стороны. Причем последствия этого конфликта всегда носят деструктивный характер для всех включенных в него сторон.

Позитивное преобразование негативного конфликта достигается в несколько этапов:

- 1) прекращение противодействия (конфронтации);
- 2) нейтрализация негативного конфликта;
- 3) организация позитивного конфликта /5/;
- 4) разрешение позитивного конфликта.

Осуществление первого и второго этапов означает исключение конфронтации, организацию самоопределения и фиксацию первоначальных позиций сторон (через нормализацию в большей или меньшей степени жизненной ситуации, психотерапию, демонстрацию образцов ответственного поведения и т.д.).

С целью организации позитивного конфликта стороны должны быть включены в изучение друг друга (установление и оценки личностных и индивидуальных качеств, общественных связей, интересов и т.п.). Практическое осуществление этого требует столкновения двух деятельностей: по распознаванию конкретных случаев социальных отклонений (с точки зрения вытеснения, уничтожения) и исследованию

личностных и индивидуальных качеств (с точки зрения коррекции или реабилитации).

Очень важно, чтобы в результате такого столкновения стороны перешли к переговорам об условиях разрешения их конфликта /6/. Переход к переговорам означает исчерпание негативного конфликта и реальное изменение деятельности обеих его сторон (с точки зрения принятия ответственности за разрешение конфликта). Переговоры должны быть завершены к взаимному удовлетворению сторон /7/.

Библиографический список

1. Сказанное согласуется с позицией С.И. Григорьева, который понимает под социальной работой, оптимизацию социальных отношений через более эффективное осуществление личностью или социальной группой своей субъектной роли. См.: Григорьев С.И. Социология и социальная работа. Барнаул, 1991.
2. О понятии конфликта см., например: Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.
3. О понятии ответственности см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.469.
4. Описание негативного конфликта в криминальных ситуациях см.: Кудрявцев С.В. Конфликтологический анализ криминогенных ситуаций // Насилие, агрессия, жестокость. М., 1990. С.98 - 112.
5. О позитивном конфликте см.: Хасан Б.И. Психотехнические стратегии в прикладной конфликтологии // Бюл. клуба конфликтологов. Вып. I. Красноярск, 1991. С.12 - 20.
6. Описание переговорного процесса см., например: Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990.
7. О механизме возложения ответственности применительно к криминальным конфликтам см. подробнее: Стойко Н.Г. Обеспечение неотвратимости уголовной ответственности и установление виновности лица, совершившего преступление // Проблемы доказывания виновности в уголовном процессе. Красноярск, 1989. С.32 - 39.

А.Г. КОПЫТОВ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**I. Жизненный путь личности**

Первая серьезная попытка изучения жизненного пути как психологического явления, как биографической личностной структуры была предпринята Шарлоттой Бюлер в 20 - 30-х годах XIX века.

Бюлер установила закономерности ("регулярности") в смене фаз жизни, в смене доминирующих тенденций (мотиваций), в изменении объема жизненной активности в зависимости от возраста. Главной движущей силой развития, по Бюлер, служит врожденное стремление человека к самоусовершенствованию или самоисполнению - "всесторонней реализации самого себя".

Самоусовершенствование - итог жизненного пути, когда "ценности и цели, к которым стремился человек осознанно или неосознанно, получили адекватную реализацию" (цит. по З. С. 167).

Бюлер доказывает, что полнота, степень самоисполнения зависит от способности индивида ставить также цели, наиболее адекватные его внутренней сути. Эта способность у Бюлер называется самоопределением. Чем понятнее человеку его призвание, т.е. чем отчетливее выражено самоопределение, тем вероятнее самоосуществление. Становление целевых структур, согласно концепции Бюлер, определяющее в индивидуальном развитии. Тенденции индивидуального развития личности возможно выявить через изучение целей жизни личности. Именно обладание жизненными целями, по Бюлер, - условие сохранения душевного и физического здоровья индивида.

Бюлер выдвигает идею о многофазности жизненного пути человека. Понятие фазы указывает на изменение направления развития, на прерывность в нем. Она изучала биографии сотен людей. Анализ вел в трех направлениях:

- 1) внешний, объективный ход событий;
- 2) история творческой деятельности человека;
- 3) возрастные перемены во внутреннем мире личности, особенно в отношении человека к собственной жизни.

Бюлер выделила пять фаз жизненного цикла человека (цит. по З. С. 168):

Первая фаза (возраст до 16 - 20 лет) характеризуется отсутствием

у индивида собственной семьи и профессиональной деятельности. Э т о т период предшествует самоопределению, и Бюлер выносит его за пределы жизненного пути.

Во второй фазе (с 16-20 лет до 25-30 лет) человек пробует себя в разных видах трудовой деятельности, заводит знакомства с представителями противоположного пола в поисках супруга (супруги). Здесь свойство самоопределения носит еще диффузный характер. Психологической особенностью внутреннего мира молодого человека на этой фазе являются надежды - эскизы возможных путей в дальнейшей жизни. Перед лицом выбора жизненных целей молодой человек нередко испытывает растерянность и в то же время жажду дел.

Третья фаза (от 25-30 до 45-50 лет) наступает в тот период, когда человек находит свое призвание или просто постоянное профессиональное занятие, когда у него образуется собственная семья. Э т о пора зрелости. Зрелому человеку свойственны реальные ожидания от жизни, более трезвые оценки возможностей, субъективное переживание своего возраста как апогея жизни. В зрелости происходит спецификация самоопределения, т.е. человек ставит конкретные жизненные цели и имеет налицо некоторые результаты продвижения к ним. В связи с э т и м в 40 лет устанавливается самооценка личности, в которой отражены результаты жизненного пути как целого, жизни как решаемой задачи.

Стареющий человек (от 45-50 до 65-70 лет) в четвертой фазе завершает профессиональную деятельность. Из его семьи уходят взрослые дети. Для человека наступает "трудный" возраст душевного кризиса, вследствие биологического увядания, потеря репродуктивной способности, сокращение будущего времени жизни. Усиливается склонность к мечтам, одиночеству, воспоминаниям. Завершается путь к самосуществованию, исчезает и самоопределение, постановка целей жизни.

В пятой фазе (от 65-70 лет до смерти). Вместо профессиональной деятельности появляется хобби, досуг. Семья окончательно распадается. Ослабевают и сходят на нет все социальные связи. Внутренний мир обращен к прошлому, в нем преобладает тревога, предчувствие смерти, желание покоя. Существование лишено целей и поэтому Бюлер не причисляет пятую фазу к жизненному пути.

Работы Бюлер были по достоинству оценены в советской психологии. Так, анализируя концепцию Бюлер, Б.Г.Ананьев предполагал, что основные фазы жизни необходимо нуждаются в более детальном делении и дополнении элементов анализа жизненного пути. Согласно гипотезе Ананьева, более фазы жизненного п у т и можно определить сопоставлением сдвигов по многим параметрам социального развития человека: гражданскому состоянию, экономическому положению, семейному статусу, совместности, консолидации или разобщению социальных функций (ролей, характера

ценностей и их переоценки в определенных исторических обстоятельствах), смене среды развития и коммуникаций, конфликтным ситуациям и решению жизненных проблем, осуществленности или неосуществленности жизненного плана, успеху или неудаче — триумфу или поражению в борьбе" (См.: 2, С.162).

2. Исследование жизненного пути личности в современной психологии

Понятие "субъективная картина жизненного пути" впервые было использовано Б.Г.Ананьевым (I. С. 155). Эта "картина" является важной характеристикой самосознания личности. Она отражает основные этапы социального и индивидуального развития. Фиксируя события жизненного пути личности, субъективная картина жизни служит своеобразной системой отсчета для процессов понимания себя, самооценки.

Принципиальна для данного понятия взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего времени, объединяющих текущие деятельности человека с его мечтами, планами, целями, с преемственностью прошлой жизни и опыта.

Простейшими элементами реального жизненного пути выступают события — изменения в условиях жизни человека, в его внутреннем мире и состоянии здоровья, в поступках на работе, в семье, в кругу друзей, в быту, в учебе, в свободном времени (2; 3). Наиболее важен анализ не самих событий в их отдельности, а взаимосвязи между событиями, влияния друг на друга, на ход жизни в целом.

В осознании личности себя и своей жизни события могут выступать в различных функциях по отношению друг к другу.

События могут служить причинами или следствиями, целями или средствами.

Причинные или целевые связи являются элементами субъективной структуры межсобытийных отношений (3). Анализ межсобытийных отношений, структуры связей может вскрыть важные механизмы ценностно-нормативной регуляции жизненного пути.

А.А.Кроник (3) предлагает следующее понятие: "Субъективная картина жизненного пути — это психический образ, в котором отражены социально обусловленные пространственно-временные характеристики жизненного пути (прошлого, настоящего и будущего), его этапы, события и их взаимосвязи. Этот образ выполняет функции долговременной регуляции и согласования жизненного пути личности с жизнью других, прежде всего значимых для нее, людей".

Субъективная картина жизненного пути человека наполняется переживанием психологического времени своей жизни.

"Психологическое время - это форма переживания человеком структуры причинных и целевых отношений между событиями его жизненного пути" (Б. С. 213).

Однако понятие жизненного пути и диагностика его оказывается более полной и важной для психологического анализа личности, чем психологическое время.

3. Диагностика жизненного пути

Метод диагностики субъективной картины жизненного пути должен удовлетворять таким требованиям (4):

- 1) описание реального психологического образа жизненного пути должно быть биографическим;
- 2) должно учитываться естественное для взрослого человека нежелание полностью посвящать исследователя в историю и интимные стороны собственной жизни;
- 3) метод должен давать не только диагностическую характеристику жизненного пути, но и психотерапевтическое отношение к испытуемому, так как анализ жизненного пути может обнаружить и неприятные моменты для самого субъекта, снять у него "психологическую защиту" от самого себя.

Этими требованиями удовлетворяет методика каузометрического опроса (3), в компьютерных вариантах, например, методика "Биограф".

Индивидуальная работа с данными методиками занимает 1,5 - 2 часа и включает шесть основных процедур: биографическая разминка, формирование списка значимых событий, датировка, причинный анализ межсобытийных связей, целевой анализ, обозначение сфер принадлежности событий.

Основные информативные показатели, получаемые в результате обработки данных, следующие:

- Мотивационный статус событий - количество причинных и целевых связей, которое данное событие имеет с другими событиями. Мотивационный статус фиксирует реальную значимость данного события в жизни обследуемого.

- Адекватность осознания значимости событий - степень согласованности мотивационного статуса с прямыми, осознаваемыми оценками личной значимости событий.

По данным А.А.Кроника (4), этот показатель коррелирует с некоторыми личностными чертами, измеренными с помощью опросника I6 Р

Кеттелла: радикализм - O_1 , самодостаточность - O_2 , озабоченность F.

- Рольевой статус событий - разделяет "стартовые", "финишные", "кульминационные", "авантюрные" события. Количество "стартовых" и "финишных" событий указывает на степень дифференцированности жизненного пути, на число относительно независимых линий жизни.

Люди с большим количеством стартов и финишей оказываются более радикальными - O_1 , интеллектуальными - B , самодостаточными - O_2 , достаточно уверенными в себе - O , менее напряженными в потребностях - O_4 .

- Психологический возраст личности - степень субъективной реализованности жизненного пути. Подсчитывается по формуле:

$$ПВ = \frac{ПВ}{a + p} \times ОПЖ,$$

где

ПВ - сумма реализованных связей (событий прошлого друг с другом);

a - сумма актуальных связей (событий прошлого с событиями будущего);

p - сумма потенциальных связей (событий будущего друг с другом);

ОПЖ - ожидаемая человеком продолжительность его жизни.

Отношение психологического возраста с хронологическим служит индикатором кризисов в развитии личности - нереализованность, утрата смысла жизни. Кризис нереализованности выявляется при чрезмерно низком значении психологического возраста в сравнении с хронологическим. Кризис смысла утраты будет возникать при чрезмерно высоком значении психологического возраста в сравнении с хронологическим.

В общем случае можно охарактеризовать психологический возраст как соотношение прошлого, настоящего и будущего в развитии личности. "Психологически молод тот, кто видит перед собой значимое будущее, имеет широкую перспективу в личной, деловой, семейной жизни. Психологическая старость соответствует ограниченной перспективе, отсутствию важных планов и ожиданий, пустому, бессмысленному будущему" (5. С. 73).

4. Подходы к анализу и типологизации личности в отношении времени жизни

Исследование В.И.Ковалева (?) было направлено на построение типологии личности по двум основаниям: характеру регуляции времени и уровню активности. Выделились четыре основных типа регуляции времени: пассивно-ситуативный, активно-ситуативный, пассивно-продолгованный, активно-продолгованный по характеру регуляции времени жизни (или ее отсутствию) и активности.

1. Пассивно-ситуативный - это стихийно-обиденный тип регуляции времени; личность находится в зависимости от событий и обстоятельств жизни. Она не успевает за временем, не может организовать последовательность событий, предвосхищать их поступление или предотвращать его. Этот способ организации жизни характеризуется ситуативностью поведения, отсутствием личностной инициативы.

2. Активно-ситуативный - функционально-действенный тип регуляции времени, когда личность активно организует течение событий, направляет их ход, своевременно включается в них, добиваясь эффективности. Однако инициатива охватывает только отдельные периоды течения событий, но не их объективные или субъективные последствия; отсутствует пролонгированная регуляция времени жизни - жизненная линия. Личность соотносится с событийным временем.

3. Пассивно-пролонгированный - созерцательный тип, который проявляет пассивность личности, отсутствие способности к организации времени. Пролонгированные тенденции обнаруживаются только в духовной, интеллектуальной, творческой жизни. Понимание сложности и противоречивости жизни или уход в сферу научных, общечеловеческих, исторических перспектив не позволяет проявить собственную активность.

4. Активно-пролонгированный - созидательно-преобразующий тип, который характеризуется организацией времени, соотносенной со смыслом жизни, с логикой общественных тенденций.

Только последний тип обладает способностью к целостной, пролонгированной регуляции и организации времени жизни, т.е. может считаться субъектом собственной жизни. Наличие пролонгированной регуляции позволяет ему произвольно членить жизненные периоды, этапы в относительной независимости от объективного событийного ряда и придавать качество целостности собственной жизни.

Нам представляется важной возможность развивать подобные типологии личности в отношении времени жизни человека. Особенно интересным было бы использование в качестве дополнительного основания для типологии - способность к рефлексии, к обскуствлению опыта движений по жизненному пути. Результаты работы на методике "Биограф" демонстрируют возможность такого подхода (В. С. 27).

В результате сравнительного анализа временных отношений личности на различных этапах жизненного пути был обнаружен своеобразный цикл, который характеризует особенности освоения личностью времени: первоначальное отсутствие действенного контроля над временем в детстве сменяется овладением временной перспективой в зрелом возрасте и вновь сменяется в старости осознанием того, что время не принадлежит человеку. В целом с возрастом, и особенно

старением, человек все глубже и острее переживает течение времени, и проблема времени, его быстротечности приобретает большое значение.

Одним из наиболее известных в исследовании возрастной диагностики переживаний времени можно считать метод "метафоры времени", представляющий собой процедуру оценки испытуемыми степени соответствия их представлениям о времени метафор типа "дорога, ведущая через холмы", "спокойный, неподвижный океан", "скачущий всадник" и т.д. Методика была разработана Р.Кнаппом, который первоначально использовал ее для мотивационных процессов. Как оказалось, индивиды с более высоким уровнем мотивации склонны выбирать для оценки времени метафоры, отражающие скоростные, динамические характеристики.

С помощью названного метода удалось установить, что молодые люди склонны употреблять статичные метафоры, а пожилые — скоростные для характеристики временных переживаний. Это подтвердило гипотезу о том, что с возрастом субъективное течение времени ускоряется.

Оказалось, отношение человека к собственному времени жизни, к ощущению времени во многом регулируется представлением об ожидаемых сроках его смерти. Именно поэтому, нередко после того, как перед человеком встает вопрос о его возможной смерти — он решает изменить свою жизнь, перепланировать усилия, сроки, акценты своих действий.

Результаты наших собственных исследований показывают, что введение в экспериментальную ситуацию каких-либо знаков или символов, характеризующих качество "финала", "завершения", "окончания жизни" — заметно активизирует работу испытуемых по осознанию собственного жизненного пути, его перспектив, своего актуального положения.

Важным является коррекция уровня сложности вводимых знаков по отношению к уровню подготовленности испытуемых.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М., 1978.
3. Кроник А.А., Головаха Е.И. Психологическое время личности. Киев, 1984.
4. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования // Психология личности и образ жизни. М., 1987.
5. Кроник А.А. Психологический возраст и развитие личности // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М., 1988.

Социальные противоречия... Красноярск, 1992

6. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.

7. Ковалев Р.И. Психологические особенности личностной организации времени: Автореф. дис..., канд. психол. наук. М., 1976.

8. Копытов А.Г. Психологическое конструирование и технологии психопрактики // Конструктивная психология - новое направление развития психологической науки и практики. Красноярск, 1989. С. 24-28.

9. Копытов А.Г. Техника понимания жизненного пути // Психология времени и личности. Черновцы, 1991.

И.Р. ПИПКО

ВИД ПРТИВСПРАВНОСТИ И СТЕПЕНЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ
СПАСНОСТИ ДЕЛИКТА

В теории права юридическая ответственность рассматривается как разноотраслевое системное образование; наиболее часто его компонентами называют гражданскую, уголовную, административную и дисциплинарную ответственность. Все отраслевые виды ответственности обладают теми общими чертами, которые интегрируют их в институт юридической ответственности, и особенностями, обуславливающими их отраслевую принадлежность.

В то же время анализ юридических публикаций и нового законодательного законодательства позволяет констатировать и большую отраслевую дифференциацию юридической ответственности: разные авторы

называют, помимо указанных, колхозно-правовую, семейно-правовую, государственно-правовую, финансовую, процессуальную и другие виды ответственности. Таким образом, многим авторам представляется необходимым выделять виды ответственности по существу применительно к отраслевой структуре права.

На первый взгляд, это резонно, ведь: "Каждой отрасли права свойствен: особый юридический режим регулирования" (1. С.13), и он, несомненно, накладывает отпечаток и на ее охранительные нормы. С другой стороны, общеизвестно, что институты административной и уголовной ответственности, например, осуществляют межотраслевую охрану, "подстраховывая" нормы государственного, гражданского, семейного, финансового, земельного, международного, уголовно- и гражданско-процессуального, а также других отраслей права. И своеобразие охраняемых отношений, задачи методов их регулирования не препятствует охране таких отношений, нормами административного и "в последней инстанции" уголовного права. Это не случайно. При всей специфике охраняемых отношений охранительные нормы имеют больше общего, чем специфического. Б.Т.Базилев полагал, что "общий знаменатель" всех видов юридической ответственности завершённый в смысле законодательного выражения вид — воздать Основы законодательства о юридической ответственности (и 2. С.4-6).

Следовательно, отраслевая структура юридической ответственности, во-первых, не обязательно должна воспроизводить отраслевую архитектуру права, и, во-вторых, дифференцироваться с учетом более существенных отличий, чем круг охраняемых отношений.

Используя единственно этот критерий, необходимо признать, например, что уголовную ответственность отличает от административной только "площадь" круга охраняемых отношений, большая у первой за счет жизни, здоровья, половой свободы, общественного строя, и "основных интересов ... в области государственного управления, обороноспособности, режима государственной границы, социалистического хозяйства, транспорта и правосудия" (З. С.84), следовательно, административная ответственность должна "поглощаться" уголовной. Объяснимы поэтому недавние попытки размежевать названные виды ответственности именно по охраняемым отношениям, хотя и в комплексе с другими критериями (4).

Участь быть "растворенной" в уголовной ответственности ожидает гражданско-правовую ответственность, так как имущественные и некоторые неимущественные отношения более или менее достаточно охраняются и уголовно-правовыми нормами.

Единым является и метасд у всех "общепризнанных" видов ответственности — наказание нарушителей.

Что же в таком случае обуславливает их нормативную автономность?

Ответ, очевидно, нужно искать, подходя к ответственности не как правовому институту, но как к отношению, имеющему собственную структуру и основания возникновения. Такой подход дает возможность увидеть прежде всего несовпадение субъектного состава отношений ответственности.

Для гражданской ответственности характерна контрагентская и трансделиктная модели расстановки участников охранительных отношений. Суть этих отношений заключается в том, что нарушитель или третье лицо несут ответственность перед потерпевшим. Отношения дисциплинарной ответственности возникают между нарушителем — членом определенного устойчивого коллектива, и руководителем этого коллектива, субъектом линейной власти (5). Субъектами административной и уголовной ответственности, в отличие от двух первых, являются нарушитель и государство в лице тех или иных органов (субъектов функциональной власти).

Ранее в юридической литературе подчеркивалось, что правонарушителю и в отношении дисциплинарной ответственности противопоставит

орган государства — администрация предприятия или учреждения, хотя отнесение последней к государственным органам и было дискуссионным. С разгосударствлением экономики рассматривать государство (в лице органов государственного управления) как обязательного субъекта дисциплинарной ответственности невозможно безотносительно к позиции в этой дискуссии.

В правовой литературе неоднократно отмечалось несовпадение и пассивных субъектов отношений ответственности: в гражданской и административной ответственности таковыми могут быть физические и юридические лица, в уголовной и дисциплинарной — только физические. В настоящее время признание юридических лиц субъектами преступлений не только отстаивается в литературе (6. С.19; С.167), но и получает законодательное закрепление /7/.

Уточнение и изменение субъектного состава различных отношений ответственности требует соответствующей корректировки и представления о субъектах отношения юридической ответственности (2. С.86; 8. С.36) и "сближает" уголовную и административную ответственность.

Все отношения ответственности тождественны по содержанию — сплав прав и обязанностей порицать и применять меры принуждения, и притерпевать их, включая право требовать законности применения этих мер, но различны по характеру самих мер принуждения. Так, конфискация — административное взыскание — является специальной и производится только в отношении вещей, непосредственно связанных с проступком и прямо названных в законе (ст. 29 КоАП), а конфискация — уголовное наказание — распространяется на все или часть имущества, за исключением предметов, необходимых для осужденного и лиц, находящихся на его иждивении (ст. 35 УК).

Однако при всем многообразии карательных мер ограничения физической сферы личности в виде лишения свободы или ареста, т.е. наиболее репрессивные меры, применимы только в отношениях уголовной и административной ответственности, что еще более усиливает поляризацию, с одной стороны — двух видов ответственности, и гражданско-правовой и дисциплинарной — с другой. Некоторые меры уголовной и административной ответственности настолько родственны, что "стыкуются" вплотную. Так, исправительные работы в административном порядке назначаются до двух месяцев, в уголовном — от двух месяцев до двух лет.

Вместе с тем нельзя проводить грань, либо, наоборот, утверждать о сходстве двух видов ответственности, исходя из соответствующих им карательных мер и субъектов воздействия на них. Последние сами

производны от тех юридических фактов, которые порождают отношения ответственности - административных проступков и преступлений.

Именно поэтому в монографической и учебной литературе вопрос о разграничении видов ответственности нередко сведен исключительно к разграничению их оснований. Именно в них - гражданских, административных, дисциплинарных и уголовных деликтах заложены все иные отличия, которые, на наш взгляд, необоснованно приводятся иногда как однопорядковые (9. С.71) при размежевании видов ответственности - процедура применения мер принуждения, органы, правомочные их применять, характер мер, правовые последствия.

Причины сходства административной и уголовной ответственности обнаруживаются при исследовании основного (или материального, как его называют в уголовно-правовой теории) свойства любых деликтов общественной опасности. При несомненной вредности всех деликтов только часть их правильно считать общественно опасными в собственном смысле слова, т.е. несущими разрушение наиболее ценным общественным отношениям (внешняя безопасность, политическая система, жизнь, половая свобода, здоровье и др.) или другим (право собственности на имущество, на интеллектуальное произведение и т.д.), но таким способом (грабеж, разбой, плагиат и иные), что эти деликты воспринимаются как энтропийные всегда и прежде всего социально управляющей системой - государством, хотя в конкретном случае могут причинять несравненно большую боль потерпевшим или восприниматься окружающими индифферентно.

Поэтому именно государство, а не потерпевший, контрагент или работодатель вступает в отношения ответственности с виновными в преступлении или административном проступке и применяет к ним меры принуждения вплоть до физических.

Направленность против отношений, в сохранении которых кровно заинтересована социально управляющая система, а значит и создавшее ее общество, и предопределяет подлинно общественную опасность административных и уголовных деликтов, их одноприродность.

Гражданские и дисциплинарные правонарушения деформируют те общественные отношения, в нормальном функционировании которых заинтересована прежде всего добросовестная сторона по договору (контрагент или наниматель рабочей силы). Поэтому в случаях амнистирования ими виновной стороны государство, как правило, безучастно.

Полное огосударствление экономики при социализме привело к подмене интересов предприятий как хозяйствующих субъектов и их администрации как субъекта отношений дисциплинарной ответственности интересами государства, повлекшей, в свою очередь, смешение видов ответственности. К примеру, в КоАП была введена норма, усугубляющая ответственность за распитие спиртных напитков на производстве (ст. 161), а в Положении о поставках товаров народного потребления (1981 года) предусматривалось, что в случае непредъявления покупателем поставщику за просрочку поставки или недоставку товаров требования об уплате неустойки последняя подлежит взысканию в доход бюджета, а дело возобновляется государственным арбитражем (ст. 98).

В публикациях по исследованию соотношения уголовных и административных правонарушений акцент ставится на их несходстве, что обусловлено различным видом противоправности.

Между тем противоправность в уголовно-правовой литературе, где вопрос о признаках деликта разработан наиболее глубоко, относят к числу хотя и обязательных, но определяемых главным признаком — общественной опасностью. И, если не просто декларировать, определяющим свойством правонарушения, а действительно исходить из этого, то единство социальной природы административных проступков и преступлений вызывает правомерные сомнения в обоснованности их нормативной разобщенности.

В теории высказаны различные точки зрения о критериях разграничения уголовных и административных деликтов, но преобладает та, согласно которой таковыми является степень общественной опасности. Однако и преступления неоднородны, классифицируются по тому же критерию. Ряд авторов, стремясь доказать максимальную однородность преступлений, выдвинули даже предложение создать отдельный нормативный акт — кодекс уголовных проступков (Ю. С. 158).

Бесспорно, неодинаковая степень общественной опасности деяний накладывает отпечаток на содержательную судность мер принуждения, сроки давности и погашения (снятия) судимости, возможность привлечения к ответственности на разных стадиях правонарушения, но не исключает, а скорее предполагает, сосуществование одноприродных деликтов в едином кодифицированном акте, так как общее (одноприродность) доминирует над особенным (доза общественной опасности). Поэтому (а не в силу подражания уголовному законодательству Германии, Франции, американских штатов и др.) административно-деликтные нормы должны размещаться в едином кодексе с уголовно-правовыми.

Создание такой единой кодификации потребовало бы значительных усилий в перенасыщенное нормотворчеством время, но устранило бы ряд несоответствий, порожденных законодательной разобщенностью административно-деликтных и уголовно-правовых норм.

I. Реформирование экономики социалистического типа с ориентацией на рыночную сопровождается глобальным изменением структуры общественных отношений и, следовательно, переоценкой многих противоправных деяний. Некоторые из них провозглашаются общественно полезными, другие — утратившими или приобретшими значительный заряд общественной опасности, что активизировало диффузию уголовно-правовых и административно-деликтных норм. Участились случаи, когда к моменту рассмотрения дела правонарушение трансформировалось в иноотраслевое: административный проступок объявляется преступлением или наоборот.

Применительно к каждой из двух охранительных отраслей повышение или понижение общественной опасности деяния влечет отмену, усиление или смягчение наказания за него, и вопрос об обратной силе закона решается тождественно: обратную силу имеют только акты, смягчающие или отменяющие ответственность. Вопрос же об ответственности лиц, совершивших правонарушение, изменившее к моменту рассмотрения дела отраслевую принадлежность, не получит законодательного закрепления. Поэтому виновный в преступлении, провозглашенном затем административным проступком, не может быть привлечен к юридической ответственности вообще в силу прямого указания ст. 9 КоАП. Акт, декриминализировавший деяние в административный деликт, будучи бесспорно устраняющим уголовную наказуемость или смягчающим ее с общеправовых позиций, одновременно является устанавливающим административную ответственность.

Не может быть привлечен виновный к ответственности и за административный проступок, приобретший до рассмотрения дела уголовно-правовой статус: акт, криминализировавший нарушение, одновременно отменил административную ответственность за него и, следовательно, в соответствии с той же ст. 9 КоАП имеет обратную силу.

Таким образом, хотя уголовная и административная ответственность — однопорядковые виды юридической ответственности, между которыми не может быть глухой стены (II. С.15), нормы УК и КоАП, определяющие порядок действия законов во времени, образовали межатраслевой барьер, позволяющий виновному избежать ответственности за содеянное.

Общий для институтов административной и уголовной ответственности принцип "более суровый закон обратной силы не имеет" в едином кодексе функционировал бы исправно, не нуждаясь в дополнительном нормативном закреплении. При сохранении правовой автономии таким закреплением должна стать немедленная замена редакции ст.9 КоАП абзацами следующего содержания:

"Акты, смягчающие или отменяющие ответственность за административные правонарушения, за исключением случаев их криминализации, имеют обратную силу, т.е. распространяются и на правонарушения, совершенные до издания этих актов.

Акты, устанавливающие или усиливающие ответственность за административные проступки, за исключением случаев, когда установление тако^й ответственности является способом декриминализации деяний, обратной силы не имеют".

2. Отсутствие теоретического или правового лекала, способного с абсолютной точностью фиксировать преступную или непроступную степень общественной опасности деяний, означает в известной степени произвольность разделения их законодателем на преступления и проступки. Наиболее убедительно этот факт подтверждает нормотворчество последних 3-4 лет: штрафы за некорыстные административные проступки могут достигать несколько тысяч рублей (12. С.2), в то время как по действующему УК штраф за некорыстные деяния не может по общему правилу превышать 500 рублей.

Конечно, проблема корреляций общественной опасности деяния санкции не снята и в УК, но "сосуществование" УК и КоАП осложняет эту проблему еще и неосновательным отраслевым прикреплением деликтной нормы со всеми вытекающими последствиями.

Отдельная кодификация административно-деликтных норм означает не создание самостоятельного правового режима, но дублирование (и закономерное!) почти всех уголовно-правовых институтов. А "специфический" отказ от заимствования институтов стадий и соучастия был компенсирован удлинением объективной стороны ряда проступков (ст.168, п.5 ст.187) за счет включения в нее подготовительных действий к проступку и установления ответственности за организацию ряда проступков (ч.3 ст.164¹, ч.2 ст.165¹). Между тем более низкая степень общественной опасности административных проступков в сравнении с преступлениями могла бы быть учтена и в едином кодексе соответствующей "надстройкой" институтов стадий и соучастия.

Так, следуя логике установления ответственности за приготовление исключительно к тяжким и особо тяжким преступлениям (Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 года), в едином кодексе нужно было бы установить ответственность за покушение на наиболее опасные из проступков и их организацию. Это, в свою очередь, предполагает классификацию административных деликтов с установлением пределов санкций в выделяемых группах, неоднородность которых давно подмечена в юридической литературе (13).

Не оправдала себя и отраслевая модификация определения умысла. В КоАП понятие "осознание общественной опасности" (не упомянутой законодателем в дефиниции административного проступка) заменено понятием "осознание противоправности проступка", отсутствие последнего адвокаты (если бы вовлеклись в административно-юрисдикционное производство) в условиях нестабильности законодательства и административно-деликтной безграмотности населения могут всегда доказать.

В литературе справедливой критике подвергается и конструкция в КоАП института малозначительности деяния (13. С.18), особенность которой состоит в том, что малозначительность признана в ней обстоятельством, не исключающим административную ответственность, а позволяющим носителю административно-юрисдикционных полномочий освободить лицо от этой ответственности.

Единая кодификация ликвидировала бы проблему разрыва "связи между преступлением и наказанием" при освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной, "низведя" ее до смягчения наказания наказанием ниже низшего предела.

Раздельная кодификация уголовно- и административно-деликтных норм наряду с дублированием норм Общей части УК привела и к дублированию административно-деликтной подотрасли административной науки уголовно-правовых разработок, т.е. к экстенсивному развитию теории ответственности.

3. Различная противоправность смежных деликтов требует полного (иногда громоздкого) описания каждого из них в нормах КоАП и УК. Единый кодекс объединил бы эти нормы в одной статье, "спрессовав" ее присоединением в различных частях привилегирующих или квалифицирующих признаков к лаконичному "те же действия ...". Трансплантация административно-деликтной нормы в смежную норму УК устранила бы сложность выявления и толкования оценочных понятий, связанных единой логической структурой, но текстуально

закрепленных только в одной из этих норм. И примеру, толкование нормы, закрепленной в ст.169 КоАП, будет тождественным при условии сопоставления ее с нормой в ч.1 ст.215¹ УК, из которой видно, что обязательный элемент объективной стороны преступного нарушения правил пожарной безопасности — это пожар, причинивший вред здоровью или крупный ущерб.

Применение ст.169 КоАП было бы облегчено включением в нее негативного признака "не повлекших пожара, причинившего вред здоровью или крупный ущерб". Однако законодатель конструирует ряд административно-деликтных норм, смежных с уголовно-правовыми так, что их применение без сравнения с последними чревато ошибкой. Во избежание таковой в ч.2 ст.10 КоАП введено важное положение, согласно которому административная ответственность за нарушение, предусмотренное в КоАП, наступает, если оно по своему характеру не влечет уголовную ответственность. Это положение устанавливает приоритет уголовной ответственности и одновременно требует обязательной проверки: 1) наличие смежной уголовно-правовой нормы, и, если таковая имеется, 2) соответствия признаков совершенного деликта признакам описанного в ней состава.

Нередко разграничительные признаки конкретных уголовного и административного деликтов содержатся в норме Особенной части КоАП: небольшой размер иностранной валюты, платежных документов в иностранной валюте ... (ст.153), наибольшие размеры наркотических средств (ст.44), стоимость похищенного не выше минимального размера оплаты труда, установленного законодательством РСФСР (ст.49). Применение смежной уголовно-правовой нормы без сверки с административно-деликтной с неизбежностью повлечет правоприменительную криминализацию.

Таким образом, одноприродность административных проступков и преступлений объективно требует задействования в процесс правовой оценки содеянного норм двух отраслей права. Выбор нормы, предусматривающей данное общественно опасное деяние, из разнотраслевого правового массива с неполностью совпадающими системообразующими критериями существенно усложняет процесс квалификации, требуя разграничения норм как "по горизонтали" (в УК), так и "по вертикали" (УК — КоАП).

Поиск нормы, содержащей состав преступления или административного проступка, признакам которого соответствуют признаки конкретного деяния, будет максимально облегчен единой кодификацией

административно-деликтных и уголовно-правовых норм.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Сов. государство и право. 1987. № 6.
2. См.: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985.
3. Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления. М.: Юрид. лит., 1988.
4. См.: Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963.
5. См.: Бахрах Д.Н. Дисциплинарное принуждение // Правоведение. 1985. № 3.
6. См.: Оразпурдыев А.М. проблемы общей части науки уголовного права. Ашхабад, 1991; Шишко И.В., Жлупина Г.Н. Экономические преобразования и основные направления уголовно-правовой политики в СССР // Вопр. уголовной политики. Красноярск, 1991.
7. См.: Об общественных объединениях: Закон СССР // Ведомости Съезда народных депутатов и Верхов. Совета СССР. 1990. № 42.
8. См.: Козаченко И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья. Томск, 1987.
9. См.: Абрамова А.А. Дисциплина труда в СССР. М., 1969.
10. См.: Саркисова Э.Л. Предупредительная роль уголовного закона. Минск, 1979.
11. См.: Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывание наказания. Киев, 1987.
12. См.: О внесении изменений и дополнений к Кодексу РСФСР об административных правонарушениях: Закон РСФСР // Рос. газ. 1992. 6 янв.
13. См.: Игнатенко В.В. Оценочные понятия в законодательстве об административной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук // Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1989.

А. Н. ТАРБАГАЕВ

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Центральное место в механизме уголовно-правового регулирования общественных отношений занимает уголовная ответственность, которая служит основным средством противоречий между коллективными и индивидуальными интересами в данной сфере взаимодействия государства и личности. Обеспечивая правомерное поведение граждан путем реализаций диспозиции (позитивный аспект) либо ... санкции уголовно-правовой нормы (негативно-ретроспективный аспект), понятие уголовной ответственности, о д н а к о, не исчерпывает собой все содержание ответственности в уголовном праве, к о т о р а я является комплексным межотраслевым институтом, представленным также и административной и дисциплинарной ответственностью. Но если включенность административной ответственности в механизм уголовно-правового регулирования очевидна для научных и практических работников (например, ст. 50¹ УК РСФСР, административная преюдиция в н е к о - т о р ы х нормах Особенной части), то дисциплинарная ответственность присутствует там в скрытом, завуалированном виде, что, как представляется, и обусловило недостаточную разработанность данной проблемы в теории, а также затруднения и ошибки в практике реализации отдельных правовых норм, прямо или косвенно связанных с функционированием дисциплинарной ответственности в уголовном праве. Эти аспекты правоприменительной деятельности привлекают внимание исследователей еще и потому, что связаны с проблемой криминализации и декриминализации н е к о т о р ы х видов деятельности, приобретших особую актуальность в связи с проводимой в стране правовой реформой.

Дисциплинарная ответственность направлена на обеспечение дисциплины в ведомственных пределах в рамках служебного подчинения. Она, в частности, заключается в применении администрацией в установленном законодательством порядке мер дисциплинарного взыскания к рабочему или служащему, совершившему дисциплинарный проступок (1). Поэтому одной из основных проблем здесь я в л я е т - ся вопрос о разграничении преступления и дисциплинарного проступка, что иногда вызывает трудности, а иногда и неправильно решается на практике.

Проблема разграничения преступления и дисциплинарного правонарушения — одна из актуальных в теории и практической деятельности правоохранительных органов. Не касаясь ее подробно, обозначим данную болевую точку на карте проходящей в стране уголовно-правовой реформы и отметим, что главный путь совершенствования законодательства в этой сфере — максимально возможная формализация признаков должностного преступления, введение количественных и четко определенных качественных критериев, позволяющих ясно и недвусмысленно определить юридическую природу совершенного деяния. В частности, минимальный размер прямого материального ущерба и упущенной выгоды необходимо законодательно определить в твердой денежной сумме либо (с учетом инфляции) в дневных ставках среднего заработка. Содержащиеся в опубликованном обзоре судебной практики (4), примерные стоимостные критерии материального ущерба государству, необходимого для признания вреда существенным, не дифференцированы в зависимости от характера ущерба (прямой или упущенная выгода), также не могут быть приняты за основу в связи с переходом к свободному ценообразованию, осуществленному в конце 1991 года.

Круг государственных и общественных интересов нематериального характера, охраняемых уголовным законом, необходимо исчерпывающим образом обозначить в диспозициях соответствующих статей Особенной части УК РСФСР. Аналогично следует решить вопрос об охраняемых законом правах и интересах граждан, выделив в первую очередь все виды посягательств на личность (лишение жизни, телесные повреждения, ущерб чести и достоинству), а также круг установленных и гарантированных Конституцией РСФСР гражданских прав и свобод. Одним из вероятных направлений законодательной деятельности здесь представляется введение новых квалифицирующих признаков, либо установление специальных норм, конкретизирующих указанные общие положения в отдельных сферах управленческой деятельности. Рекомендации, данные Пленумом Верховного суда СССР в пп. 9, 10 Постановления от 30 марта 1990 года "О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге" (5), носят примерный характер и не могут служить ориентиром в большинстве случаев затруднений на практике.

Одним из наиболее ярких фрагментов реализации дисциплинарной ответственности в уголовном праве является глава двенадцатая Особенной части УК РСФСР (воинские преступления). Этот раздел

законодательства традиционно не привлекает внимания теоретиков, хотя при внимательном анализе здесь можно обнаружить интересные прикладно-технические конструкции, характерные только для военно-уголовного права. Например, в ряде статей двенадцатой главы Особенной части УК РСФСР говорится, что "то же деяние при смягчающих обстоятельствах влечет применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных сил СССР" (пунктов "б" ст. 239, ст. 241, ст. 250, ст. 255, ст. 256, ст. 257, ст. 258, ст. 260 и п. "г" - ст. 245 УК РСФСР).

Такое решение может иметь два объяснения. Либо, по мнению законодателя, воинское преступление при наличии смягчающих обстоятельств декриминализируется, т.е. утрачивает общественную опасность, характерную для преступных деяний и юридически переходит на уровень дисциплинарного правонарушения. Либо в указанных статьях закреплён свойственный только военно-уголовному законодательству институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к дисциплинарной ответственности. Однако оба объяснения имеют слабые стороны, которые не позволяют принять их в качестве обоснования правомерности этой законодательной конструкции.

Известно, что наличие смягчающих обстоятельств снижает общественную опасность совершенного деяния и позволяет назначить более мягкое (в пределах санкции) наказание, но не даёт оснований для его декриминализации. Смягчается именно уголовная ответственность, поскольку правонарушение сохраняет все признаки преступления. Даже исключительные обстоятельства дела (ст. 43 УК РСФСР), позволяющие суду назначить наказание ниже низшего предела санкции, не меняют юридической природы совершенного деяния. Поэтому предположение о том, что смягчающие обстоятельства декриминализируют преступление, переводят его в ранг дисциплинарных деликтов, не основано на законе, противоречит краеугольным положениям науки советского уголовного права, в соответствии с которыми декриминализация (как и криминализация) — исключительная прерогатива законодателя. Расширение круга субъектов этой деятельности за счёт следственных и судебных органов приведет к эрозии содержания такого важнейшего признака преступления, как уголовная противоправность, поставит квалификацию деяния целиком в зависимость от усмотрения субъектов правоприменительной деятельности, что чревато и ошибками, и прямыми злоупотреблениями.

Если же согласиться с предположением, что в главе о воинских преступлениях закреплён институт освобождения от уголовной ответственности с привлечением к дисциплинарной, то и здесь возникают

два серьезных возражения к а к формального, т а к и содержания характера. Во-первых, порядок и условия подобного освобождения по своей юридической природе требуют включения в систему Общей части УК РСФСР (ст.50 - 52 УК РСФСР), иначе э т и нормы в значительной степени утрачивают свою легитимность, но более всего в ы з ы в а е т возражения сам принцип, в соответствии с которым за нарушение норм одной отрасли права может наступить ответственность, предусмотренная другой. В общей теории права общепризнано, что наряду с предметом и методом правового регулирования, ответственность является признаком самостоятельности отрасли, значит, сомнительны законность и целесообразность существования нормы, предусматривающих наложение дисциплинарного взыскания за свершенное преступление. Данный подход на практике приводит к стиранию граней между преступлением и дисциплинарным проступком не только в указанных случаях, но и в иных ситуациях, когда должностные лица, совершившие деяния, наказываемые в уголовном порядке, отделяются выговором, переводом на другую работу, выходом на пенсию. Яркий пример тому - "приватизация" дачного фонда, осуществленная руководителями Совета Министров СССР и Министерства обороны СССР, о чем летом 1991 года сообщили практически все газеты страны.

В сложившейся ситуации наиболее оптимальным представляется исключение мер дисциплинарной ответственности из текста уголовного законодательства, что, на наш взгляд, будет способствовать соблюдению законности и при квалификации правонарушений, и при выборе меры ответственности за их совершение.

Наконец, необходимо оценить обоснованность законодательных решений, признающих за дисциплинарными проступками значение юридических фактов, порождающих, изменяющих или прекращающих уголовно-правовое отношение. Здесь речь идет о нормах, в соответствии с которыми совершение дисциплинарных правонарушений влечет за собой различные уголовно-правовые п о с л е д с т в и я.

Т а к, в ч.5 ст.24² УК РСФСР указано, что если условно осужденный систематически или злобно нарушает трудовую дисциплину, он направляется по решению суда для отбывания лишения свободы, назначенного приговором. В ч.7 ст.44 УК РСФСР, что если условно осужденный, переданный на исправление и перевоспитание трудовому коллективу, нарушает обещание примерным поведением и честным трудом доказать свое исправление, то по ходатайству трудового коллектива суд может вынести определение об отмене условного осуждения

и о направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором.

Если же осужденный (в соответствии с ч.5 ст.46^I УК РСФСР), в отношении которого исполнение приговора к лишению свободы отсрочено, допускает нарушения трудовой дисциплины, повлекшие за собой применение мер дисциплинарного воздействия, суд может вынести определение об отмене отсрочки исполнения приговора и о направлении осужденного для отбывания лишения свободы, назначенного приговором.

В соответствии с ч.2 ст.28 УК РСФСР, в случае злостного уклонения от отбывания наказания лица, осужденного к исправительным работам без лишения свободы, суд может заменить неотбытый срок исправительных работ наказанием в виде лишения свободы на тот же срок. Верховный суд СССР разъяснил, что под злостным уклонением, в частности, следует понимать совершение в течение назначенного срока наказания прогула, появление на работе в нетрезвом виде (6).

Хотя все перечисленные нормы по характеру не обязывающие (т.е. окончательное принятие решения выносится на усмотрение суда), однако то обстоятельство, что дисциплинарные проступки перечислены в диспозиции уголовно-правовой нормы в качестве юридического факта, который (в совокупности с другими влечет изменение содержания охранительного уголовного правоотношения), на наш взгляд, нельзя признать обоснованным ни с научной, ни с практической точек зрения. Как представляется, предмет и метод регулирования отрасли уголовного права имеют специфику, исключающую возможность установления в качестве юридических фактов правонарушений, предусмотренных другими отраслями права. Косвенно это подтверждается тем, что уголовная противоправность по действующему законодательству — обязательный признак преступления. Совершение дисциплинарных проступков в ходе реализации уголовно-правового отношения не может увеличить общественную опасность преступления и, в силу этого, не вправе менять содержание и направление реализации охранительного уголовно-правового отношения. Юридические связи между государством и лицом по поводу совершенных преступления и дисциплинарного проступка должны развиваться параллельно, не пересекаясь и не оказывая взаимного влияния на характер прав и обязанностей, составляющих их содержание. Иными словами, уголовно-правовые последствия, порожденные фактом преступления, по своей юридической природе не должны испытывать влияния любых других обстоятельств, предусмотренных иными отраслями права.

В ходе реформы уголовного законодательства представляется целесообразным более четко определить предмет и метод правового регулирования. Дисциплинарная ответственность в любых вариантах должна быть исключена из текста УК РСФСР. Такое решение вопроса, на наш взгляд, укрепит законность в сфере реализации уголовно-правовых норм, более надежно защитит права и свободы граждан.

Библиографический список

1. См.: Государственная дисциплина и ответственность // Под ред. Л.И. Антоновой, В.И. Кожихина, Л., 1990. С.90.
2. Там же. С.84.
3. См.: Сыроватская Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства. М., 1990. С.54.
4. См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1990. № 4. С.23.
5. См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1990. № 3.
6. См.: Бюллетень Верховного суда СССР. 1986. № 3.

А.П. КОЗЛОВ.

ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В теории уголовного права уже предпринимался анализ форм соучастия, отраженных в Особенной части закона в качестве квалифицирующих признаков или самостоятельной нормы. Однако некоторые исследования несколько устарели и частично исторически себя не оправдали (1). Другие же едва ли приемлемы. Так, в своей работе "Квалификация групповых преступлений" Р.Р. Галиакбаров выделяет эти формы групповых преступлений, но необоснованность предложенного автором подхода видна уже из тех или иных общих положений. Относительно организованной группы он пишет: "Фактически такая группа представляет собой более опасную разновидность соучастия с предварительным сговором" (2). Чуть ниже Р.Р. Галиакбаров пытается разграничить организованную группу и группу, действующую по предварительному сговору (3). Из указанной позиции видно: либо последние не есть соучастие с предварительным сговором и тогда разграничение уместно; либо группа лиц, действующих с

предварительным сговором, — синоним соучастия с предварительным соглашением, и в таком случае разграничивать организованную группу и группу, действующую по предварительному сговору, нельзя, поскольку невозможно размежевать целое и часть. Автор, похоже, идет по первому пути и исключает распределение ролей в группе с предварительным сговором, признавая в ней только соисполнительство (4). Причины подобного он не объясняет ни в приведенной работе, ни в более основательной монографии "Групповое преступление" и лишь констатирует наличие сложного соучастия (соучастия с распределением ролей) и группового преступления (5). Однако нелогичность предложенной концепции очевидна даже для автора, поскольку она входит в противоречие с организованными и устойчивыми организованными группами, и тогда он выделяет последние в исключение из правила, надеясь тем самым разрешить проблему.

Необходимо сразу сказать, что создание исключений из правил никогда проблем классификации не разрешало и разрешить не способно. Применительно к данной ситуации непонятно вообще, из чего следует, что группа с предварительным сговором — только соисполнительство. Вполне понятно: действия всех участников группы квалифицируются по соответствующей норме Особенной части УК без ссылки на ст.17 УК РСФСР при абстрагировании от выполняемых соучастником функций (организатора, подстрекателя, пособника). И тем не менее признавать их всех исполнителями нельзя, поскольку назначаемое им наказание будет зависеть от функций каждого соучастника (суд не может назначить одинаковое наказание реальному исполнителю, пособнику, организатору и пособнику). Именно поэтому ограничение групповых преступлений соисполнительством — фикция, необоснованно уравнивающая всех участников группы. Недоказанность Р.Р.Галиакбаровым указанного главного постулата, невозможность в принципе его аргументации, наличие в концепции существенных противоречий делают ее в целом неприемлемой.

Кроме того, автор один из разделов работы озаглавил: "Совершение преступления группой лиц при отсутствии предварительного сговора" (6), имея в виду квалифицирующий признак, указанный в ст.117, 238, 240 УК РСФСР. И здесь недостатки концепции Р.Р.Галиакбарова сказываются в полной мере. "Фактически анализируемая разновидность группы обладает сочетанием всех выделенных выше показателей преступления, совершенного по предварительному сговору группой лиц, за исключением предварительного сговора соучастников" (7.).

Откуда автор взял, что данная группа лиц всегда существует без предварительного сговора? Разве он не знаком с судебной практикой по делам об изнасиловании, где предварительный сговор имеется в большинстве групповых изнасилований, и н о й п о д х о д был бы с о ц и а л ь н о н е о п р а в д а н н ы м.

Придерживаясь изложенной точки зрения, Р.Р.Галиакбаров изъясил из групповых изнасилований преступления, совершенные, в частности, организованными и устойчивыми организованными группами, которые, по его же признанию, являются разновидностью соучастия с предварительным сговором, т.е. наиболее опасные формы группового объединения не признаются групповым изнасилованием. Как собирается он квалифицировать совершенные такими группами изнасилования, может быть по ст.17 и ч.1 ст.117 УК РСФСР? И это обоснованная классификация форм групповых преступлений, отраженных в Особенной части? Беда в том, что анализируемая работа выпущена в качестве пособия для народных судей. Что можно ожидать на этом фоне от судебной практики, если она пойдет по пути, предложенному Р.Р.Галиакбаровым? Только очевидных судебных ошибок.

Думается, нет никакой необходимости отрывать групповые преступления от соучастия, рассматриваемого в Общей части, поэтому мы и попытаемся максимально вписать групповые образования, предусмотренные в Особенной части уголовного закона и подразумеваемые ею, в общее учение о формах соучастия (8).

В действующем законодательстве формы соучастия иногда отражаются в Особенной части уголовного закона: совершение преступления г р у п п о й л и ц (например, ч.3 ст.117 УК РСФСР), п о п р е д в а р и т е л ь н о м у с г о в о р у г р у п п о й л и ц (например, ч.2 ст.89 УК РСФСР), о р г а н и з о в а н н о й г р у п п о й (например, ч.3 ст.154 УК РСФСР) и в качестве самостоятельного вида преступления (например, бандитизм). Кроме того, по большинству видов преступлений в уголовном законе нет специального указания на групповое преступление, но это вовсе не означает, что в реальной жизни преступления данных видов не совершаются преступными группами. Следовательно, при анализе преступных групп нельзя забывать и о данных видах преступлений, поскольку здесь возникают серьезные проблемы квалификации.

Некоторые из предусмотренных законом форм преступных групп терминологически совпадают с формами соучастия. Так, существует достаточно полное совпадение в тех случаях, когда мы говорим о

предварительном сговоре группы лиц, выделяемом и учением о соучастии, и Особенной частью уголовного закона; совпадают терминологически наименования и организованных групп, что снимает терминологические проблемы, хотя и не исключает проблем сущностных разграничений. Однако в законе установлены и такие формы преступных групп, которые не отражены в учении о соучастии. В первую очередь это касается "группы лиц".

Г. Термин "группа лиц" довольно неопределен. Вполне логично признавать любое соучастие группой лиц, поскольку преступление совершается двумя и более лицами, в связи с чем данный термин включает в себя наряду с групповыми преступлениями еще и элементарное соучастие, когда содеянное квалифицируется с применением ст. 17 УК. Разумеется, можно говорить о группе лиц в широком и узком смысле, подразумевая под первым соучастие вообще, а под вторым — групповое преступление. Порочность подхода очевидна, ведь в таком случае размывается понятийный аппарат. Нужно идти другим путем, четко уяснив неприемлемость охвата термином "группой лиц" элементарного соучастия. Исходя из двойственного понимания "группы лиц", необходимо в законе заменить его другим термином, более точно отражающим суть анализируемого квалифицирующего признака.

Именно поэтому очень важно раскрыть содержание и сущность термина "группа лиц" при изнасиловании. можно согласиться с Р.Р. Галиакбаровым в том, что довольно часто групповое изнасилование совершается без предварительного сговора группой лиц и прежде всего — конклюдентно действующей группой. Так, З., Ш., П., Р. увидели потерпевшую Н., лежащую на земле в бессознательном состоянии в связи с сильной степенью опьянения; З. изнасиловал потерпевшую, Ш., П., Р. стояли рядом, в изнасиловании не участвовали; суд всем вменил ч. 3 ст. 117 УК РСФСР (9). Данный случай, с одной стороны, весьма спорен в качестве группового преступления (не доказана совместность действий лиц, отсюда не может быть и преступной группы), с другой стороны, показателен тем, что одно присутствие на месте и во время совершения преступления создает, по мнению суда, преступную группу. Другой пример более очевиден в качестве группового преступления: Г., М., В. увидели Ц. и Т.; М. из хулиганских побуждений ударил Ц., а Г. отвел Т. к забору и там все изнасиловали ее; всем участникам суд обоснованно вменил групповое изнасилование (10). Нам не встретилось ни одного уголовного дела с изнасилованием, совершенным преступной группой с соглашением на

стадии исполнения. Однако они вполне реальны, хотя бы потому, что изнасилование в превалирующем большинстве случаев — преступление со сложным деянием, где вполне возможно присоединение других лиц по просьбе исполнителя после частичного исполнения (насилия, угрозы насилия) преступления.

Весьма распространены на практике и изнасилования по предварительномуговору группой лиц; основная часть их приходится на преступную группу без высокой степени организованности. Можно привести два примера, интересные не только тем, что в них групповым изнасилованием признается преступление с предварительнымговором, но и их сравнительной квалификацией. Так, К., Е., Л., Ш. и другие договорились изнасиловать какую-нибудь женщину; с этой целью Ш. помог найти потерпевшую и оттащить ее в сторону от дороги, затем ушел; остальные изнасиловали потерпевшую. Действия Ш. были квалифицированы по ст.17, ч.3 ст.117 УК РСФСР, поведение остальных — по ч.3 ст.117 УК (11). И второй пример. К., С., Р., Ч., Д. решили изнасиловать женщину; К. привел потерпевшую, помогал ее раздевать, стоял рядом, не насиловал; остальные изнасиловали потерпевшую (12). Суд действия всех квалифицировал по ч.3 ст.117 УК (12). В обоих примерах очевиден предварительныйговор. Именно потому порочна позиция Р.Р.Галиакбарова, изложенная выше. Но отметим и другое. В первом примере действия пособника, отсутствовавшего в момент совершения группового преступления на месте совершения его, справедливо и обоснованно квалифицируются с применением ст.17 УК, чем утверждается, что он был лишь пособником в групповом преступлении (отразилось это и на наказании). Во втором — действия пособника отличаются лишь тем, что он не ушел, а остался на месте совершения преступления, и они сразу же приобрели иную окраску: поведение оценено как составная часть группового изнасилования. Мало того, в данном примере мы столкнулись с распределением ролей в совокупности с соисполнительством и оно признано групповым преступлением.

Организованных групп в традиционном понимании при изучении групповых изнасилований мы не увидели. Это, по-видимому, объясняется особенностями изнасилования как преступлений. Скорее всего, физиологическая потребность в совершении полового акта (хотя бы и насильственным путем) настолько сильна и естественна, что не требует каких-то изощрений и высокой организованности для создания преступной группы, носящей организованный характер, в стилистике от

корыстных мотивов. В то же время данная потребность, как правило, носит сиюминутный характер и потому не требует серьезной предварительной подготовки. Тем не менее сказанное вовсе не свидетельствует о невозможности совершения групповых изнасилований организованной группой. Не исключаем, что кто-то из исследователей судебной практики по делам о групповых изнасилованиях встречал преступления данного вида, совершенные организованной группой в чистом ее виде.

Нам же повстречалось несколько дел, которые мы можем без существенной натяжки назвать делами о групповых изнасилованиях, совершенных организованными группами. Например, уголовное дело в отношении 15 человек, которым вменялось 32 преступных эпизода, из них 14 изнасилований (9 групповых и 5 индивидуальных) (13). ни по одному эпизоду не совершали преступления все 15 человек, но из них можно выделить несколько лиц, участвовавших во всех групповых изнасилованиях, т.е. существует определенное преступное ядро, вокруг которого в конкретно совершенном преступлении объединяются другие лица. При этом в основном групповые изнасилования совершались отработанным способом: кто-то обязательно обманным путем приглашал потерпевших на место совершения преступления, кто-то угрожал ножом либо групповым изнасилованием, либо неоднократно группового изнасилования или же избивал потерпевших. Изложенное (систематичность групповых изнасилований, наличие определенного "ядра", объединение вокруг него других лиц, отработанность способа совершения преступления) свидетельствует о достаточно высокой степени организованности, которая свойственна организованной группе. Трудно назвать данную группу преступным сообществом, хотя ядро группы к нему и относится (необходимо помнить, что указанной группой было совершено еще 17 грабежей и краж).

Подводя итог, можно сказать: спектр групповых изнасилований охватывает все пять форм групповых объединений, свойственных соучастию, т.е. они совершаются и конклюдентно образованной группой, и группой с соглашением на стадии исполнения преступления, и группой с предварительным сговором без высокой степени организованности, и организованной, и даже устойчивой организованной группой.

Данный вывод имеет большое значение для четкого размежевания группового изнасилования и элементарного соучастия при изнасиловании. Если скоро групповым изнасилованием (равно и любым другим видом преступления, в котором группа лиц выступает квалифицирующим признаком) охватываются все формы преступных групп, то за его пределами остается только элементарное соучастие в чистом виде,

квалификация которого производится с применением ст.17 УК и зависит от характера преступления, совершаемого исполнителем либо группой лиц (ст.17, ч.1 ст.117 УК; ст.17, ч.2 ст.117 УК; ст.17, ч.3 ст.117 УК; ст.17, ч.4 ст.117 УК), естественно, при соответствующем виновном отношении к существующим обстоятельствам.

И поскольку здесь мы имеем термин, охватывающий все формы групповых преступлений, и учитывая его недостатки, указанные выше, вполне логично заменить его термином "преступная группа", за которым скрывается форма соучастия, противостоящая элементарному соучастию. Мы вовсе не отвергаем термина "групповое преступление", применяемого некоторыми авторами; просто он достаточно неуклюж в сочетании с другими терминами уголовного закона: если вполне приемлемо словосочетание "изнасилование, совершенное преступной группой", то практически невозможно вписать в законодательную формулировку "групповое преступление", по крайней мере, с его применением могут возникнуть определенные терминологические и стилистические трудности при построении закона.

2. Несколько проще и одновременно сложнее анализ преступлений, совершенных преступной группой с предварительным сговором. Проще потому, что терминологически выделенная в Особенной части форма группового объединения совпадает с формой, установленной учением о соучастии (и здесь, и там имеется групповое преступление с предварительным сговором). Это значительно упрощает изучение данной преступной группы, поскольку сразу же становится очевидным, что она охватывает три дифференцированных учением о соучастии формы групповых объединений (без высокой степени организованности, организованные группы и устойчивые организованные группы).

Действительно, довольно часто те преступления, в которых анализируемый признак выступает в качестве квалифицирующего, совершаются в форме групповых объединений без высокой степени организованности. Так, Ж. и Ч. договорились ограбить кого-либо; с этой целью они встретили С., Ч. избил потерпевшего, требуя денег, а Ж. забрал деньги. Вполне обоснованно суд вменил им Ч.2 ст.145 УК РСФСР в связи с наличием преступной группы с предварительным сговором и с насилием, не опасным для жизни и здоровья (14).

Не так редки и организованные группы. Например, К., старший инженер АН СССР, нашел возможность похитить платину, но требовалось найти сначала рынок сбыта: К. посвящает в свои планы Кар., который нашел покупателя; В. согласился передать полученную платину, а А. — скупить ее; только после отработки всей цепочки задействованных лиц К. совершил кражу драгоценного металла, Суд квалифицировал действия

К. по ст.93¹ УК РСФСР (хищение на сумму 29 686 руб.), а действия Кар., В. и А. с применением ст.17 УК (15). В приведенном случае имеет место преступная группа с предварительным сговором, мало того — организованная группа в чистом виде с глубоким планированием действий соучастников и распределением функций. Похоже, суд абсолютно игнорирует наличие организованной группы, в противном случае он квалифицировал бы действия всех соучастников непосредственно по соответствующей статье УК РСФСР (ст.93¹) без ссылки на ст.17 УК. Подобного требует общее правило квалификации, согласно которому "более тяжкий квалифицирующий признак поглощает менее тяжкие" (16), т.е. ч.2 ст.89 УК поглощается ст.93¹ УК. Естественно, менее тяжкий признак не может при этом видоизменяться (если есть групповое преступление, таким оно должно остаться и при поглощении его более тяжким квалифицирующим признаком, а не превращаться в элементарное соучастие, с соответствующим отражением в приговоре).

В то же время другой признак преступной группы — нахождение на месте и во время совершения преступления — суды довольно часто соблюдают. Так, С., П. и К. решили совершить кражу со склада, жестко распределили роли: К. в милицмейской форме охраняет место совершения преступления, С. и П. изымают имущество и грузят его на машину; нужна была машина и тогда они вовлекают в группу шофера Л.; вещи приготовили, но погрузить не успели. Суд вменил всем участникам ст.93¹ УК РСФСР (17). Здесь также явно выражена организованная группа, и в ней не все участники непосредственно завладели имуществом, однако вполне обоснованно действия всех были квалифицированы как действия участников группового преступления. Очевидно в данной ситуации и другое: единство места и времени совершения действий соучастниками не определяют организованную группу.

Не являются исключениями из правил в анализируемых разновидностях преступлений и устойчивые организованные группы. Например, Г., Р. и Гер. систематически похищали автомашины и сбывали их с помощью Б. Некоторые из машин Б. приобрел, а другие сам сбывал как посредник, возвращая деньги участникам. Всего было похищено 10 машин. Суд констатировал наличие организованной группы и тем не менее действия Б. квалифицировал с применением ст.17 УК РСФСР (18). Следует сказать, что суд допустил две ошибки: во-первых, здесь не просто организованная, а устойчивая организованная группа, и

во-вторых, признал элементарным соучастием действия Б.

То, что группой лиц с предварительным сговором, отраженной в Особенной части уголовного закона, объединяются три формы соучастия с предварительным соглашением, в свою очередь усложняет анализ соучастия, имеющегося в конкретных случаях. Ведь в законе указывается на форму соучастия только с предварительным сговором. Значит, в реальной жизни за пределами данного квалифицирующего признака окажутся: а) случаи элементарного соучастия и б) случаи совершения групповых преступлений без предварительного сговора. И если с квалификацией элементарного соучастия вроде бы все ясно — она всегда одинакова, то с квалификацией последних возникают определенные трудности. Ведь в таких ситуациях мы, с одной стороны, сталкиваемся с преступлениями повышенной общественной опасности (не элементарное соучастие, а групповые преступления), с другой — им не находится места в качестве квалифицирующего признака (требуется лишь предварительный сговор), и уже поэтому они не находят соответствующей квалификации и адекватного наказания; не попадают они и под элементарное соучастие. Как же быть с ними? Кто-то скажет, что таковых быть не может. И действительно, изучая судебную практику, мы не встретили ни одного хищения, похожего на таковое деяние без предварительного сговора группой лиц преступления. И в то же время мы не видим специфичности хищений, обманов покупателей и т.д., которые бы свидетельствовали о невозможности в них соучастия без предварительного сговора. Случаи подобного соучастия в реальной жизни вне всякого сомнения есть, но они скрываются либо за элементарным соучастием, либо за групповым преступлением с предварительным сговором при необоснованном его вменении. Именно поэтому необходимо найти место для квалификации анализируемых ситуаций.

Видится два пути решения указанной проблемы. Если законодатель сохранит существующую регламентацию соучастия и его форм в уголовном праве, то групповые преступления без предварительного сговора не найдут одинаковой квалификации, поскольку часть из них (соисполнительство) будут квалифицироваться по той или иной части соответствующей статьи в зависимости от того, простая это норма или с квалифицирующим признаком, без применения ст.17 УК; другая же часть (с распределением ролей) должна рассматриваться как элементарное соучастие с применением ст.17 УК. В данной ситуации обе квалификации носят условный характер, так как в них не отражается повышенная опасность групповых преступлений, наиболее условна

вторая квалификация в связи с приравниванием в ней групповых преступлений к элементарному соучастию. Несмотря на условность и относительную приемлемость — это в действующем законе единственно возможный способ реализации возникающей проблемы.

Если же законодатель введет норму, регламентирующую второй уровень совместности — групповое преступление, в Общую часть с дифференциацией отдельных форм соучастия, чего давно и безуспешно пока требуют некоторые криминалисты, то квалификация групповых преступлений без предварительного сговора в анализируемой ситуации обретет законодательные основания. Например, при совершении хищения конклюдентно образованной группой действия участников будут квалифицированы по ч.2 ст.17¹ УК и, скажем, ч.1 или любой другой в зависимости от квалифицирующего признака ст.89 УК вне связи с тем, соисполнительство здесь имеет место или распределение ролей; т.е. мы будем видеть в данном случае, что кража совершена конклюдентно образованной группой, менее опасной по сравнению с группами с предварительным соглашением и потому не составляющей квалифицирующий признак, но более опасной, чем элементарное соучастие. Условность квалификации сразу исчезнет.

Робкие шаги в данном направлении законодатель уже делает. Например, в Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 года введена ст.20, регламентирующая только одну форму соучастия — совершение преступления организованной группой. Такой подход изложенной проблемы в целом не решает, поскольку иные формы соучастия в законе не сформулированы, тогда как именно их квалификация проблематична. Указанный робкий шаг необоснован и с позиций классификации форм соучастия: нельзя указывать в законе на одну форму соучастия и не отражать другие, потому что закон сразу воспринимается как неполный, однобокий. Наглядным примером подобного служит регламентация в действующем законе только тяжких преступлений (ст.7¹ УК РСФСР), осознание однобокости ее и необходимости отражения в законе полной классификации преступлений по их тяжести, в результате чего в Основах 1991 года появилась норма, описывающая все виды преступлений по их тяжести (ст.9). Мы с необходимостью приходим к оформлению в законе и разновидностей групповых преступлений, поскольку это требует логика построения закона, и нет смысла откладывать это на будущее. Сейчас уже есть такая уникальная возможность — создание нового Уголовного кодекса России с желательно длительным сроком действия — и нужно ею воспользоваться.

3. До недавнего времени организованной группы как квалифицирующего признака в законе не было, потому что общество старалось не замечать все развивающейся организованной преступности в нем. И только с началом перестройки в обществе, с расширением гласности, в результате которой стали известны вопиющие факты сращивания преступной среды с органами КПСС, власти и управления, роста организованной преступности, издается ряд законов, вводящих в нормы Особенной части организованную группу в качестве квалифицирующего обстоятельства. Так, Законом "Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР" от 2 апреля 1990 года указанный признак вводится в ст.7 Закона СССР от 25 декабря 1958 года "Об уголовной ответственности за государственные преступления" (19). Анализируемый признак, предусматривая закон "Об уголовной ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле" вводит в ч.3 статьи о спекуляции и в ч.2 вновь вводимой статьи, регламентирующей незаконную торговую деятельность (20). Создается такая же норма и по другим видам преступлений.

Новый квалифицирующий признак порождает и новые проблемы. Первая из них заключается в его понимании. Если исходить из точного толкования организованной группы, то она тождественна выделенной в учении о соучастии самостоятельной формы преступной группы. Думается, такой упрощенный подход не совсем оправдан, поскольку при нем может оказаться "не у дел" устойчивая организованная группа — разновидность организованной группы, причем наиболее опасная. Другой недостаток заключается в ограничении организованной группы только ее устойчивой разновидностью. Подобное нашло отражение в указанной ст.20 Основ 1991 года, согласно которой "преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися с этой целью в устойчивую группу". По-видимому, при формировании закона победила позиция тех авторов, которые широко трактуют устойчивость группы, понимая под таковой любую высокую степень организованности преступной группы вне зависимости от того, на одно преступление направлено поведение данной группы либо на систематическое совершение преступлений. Едва ли указанное можно признать оправданным, ведь теория уголовного права всегда выделяла преступное сообщество в самостоятельный класс в связи с его повышенной опасностью. Именно поэтому под термином "организованная группа", применяемым в Особенной части уголовного закона, следует понимать

преступную группу с высокой степенью организованности, состоящую из простой организованной группы с направленностью действий на совершение одного преступления и устойчивой организованной группы с направленностью действий на совершение нескольких преступлений. Подобное понимание более точно отразит сущность созданного признака.

Вторая проблема возникает в связи с квалификацией тех форм соучастия, которые остаются за пределами анализируемого квалифицирующего признака. А круг их более широк, чем в предыдущем квалифицирующем обстоятельстве, поскольку вне организованной группы остаются: а) элементарное соучастие, б) преступные группы без предварительного сговора и в) преступная группа с предварительным сговором без всякой степени организованности, реально возможные в преступлениях тех видов, где отражена организованная группа. Данная проблема разрешается такими же путями, которые предложены по групповым преступлениям с предварительным сговором.

Третья проблема возникает в связи с неудачной, на наш взгляд, формулировкой новой редакции статьи о спекуляции, в ч.2 которой введено совершение преступления по предварительному сговору группой лиц, а в ч.3 - совершение преступления организованной группой. Во-первых, соотношение преступной группы с предварительным сговором и организованной группы - это соотношение целого и части, откуда преступная группа с предварительным соглашением охватывает собой и организованную группу; в результате получается, что и ч.2, и ч.3 статьи о спекуляции регламентируют организованную группу либо как часть преступной группы с предварительным сговором, либо в качестве самостоятельного квалифицирующего обстоятельства. Во-вторых не исключено, что законодатель под преступной группой с предварительным сговором понимает только преступную группу без высокой степени организованности, за пределами которой остается организованная группа. И тогда в анализируемом новом законе логика прослеживается: указывается на две формы преступных групп различной степени опасности в двух самостоятельных частях одной нормы. Однако здесь сохраняется двойственность терминологического толкования, чего следовало бы избежать. Согласившись с логичностью изложенного способа формулирования закона, тем не менее отметим, что законодатель в таком случае избрал способ, противоречащий ныне существующему, когда в Особенной части анализируемые групповые преступления формулируются в обобщенном виде, что не позволяет расписать конкретные формы групповых объединений в законе (изнасилование только группой

лиц, кража только по предварительному сговору группой лиц и т.д.), В принципе нельзя возражать против нового способа формирования преступных групп в уголовном законе, однако при этом законодатель должен будет в тех или иных нормах создавать "цепочки" конкретных форм преступных групп. Например, при предложенном подходе следующим образом будет выглядеть норма, регламентирующая изнасилования: в ч.2 нужно будет отразить, предположим, преступную группу без предварительного сговора (мы уже не говорим о двух ее формах): в ч.3 - преступную группу без высокой степени организованности: в ч.4 - организованную группу, в ч.5 - устойчивую группу. Если законодатель пойдет по такому пути, подобное может только приветствоваться, поскольку практическое толкование станет тогда более предметным. Однако при указанном подходе нормы уголовного права "разбухнут". Надо ли это? По крайней мере, ясно одно: два анализируемых способа не могут существовать в законе одновременно применительно к различным статьям его, потому что в противном случае возникает необходимость различного толкования одного и того же юридического термина. (Например, в норме об изнасиловании указана только одна форма групповых объединений - совершение преступления группой лиц, а в норме о грабеже формы групповых объединений будут конкретно расписаны в различных частях - совершение преступления группой лиц, по предварительному сговору группой лиц, организованной группой). Вполне понятно, что содержание и сущность групповых преступлений в предложенной формулировке нормы об изнасиловании и грабеже будут неодинаковы. Именно поэтому законодатель должен избрать для собственного пользования один из способов и проводить его по нормам всей Особенной части. На наш взгляд, предпочтительнее обобщенный способ отражения групповых преступлений в Особенной части в связи с его экономичностью.

4. Иногда формы преступных групп выделяются в самостоятельные нормы Особенной части или выступают в качестве одного из нескольких конструирующих норму признаков. К ним относятся: заговор с целью захвата власти (ст.64 УК РСФСР), бандитизм (ст.77 УК), организация преступных группировок или активное участие в них (ст.72, 77¹, 190³ УК) и т.д. Детальный анализ их не входит в наши планы, потому что, во-первых, они достаточно полно исследованы в литературе (21); во-вторых, все они представляют собой те или иные формы преступных групп, исследованные выше, в том или ином

объеме с их изложенными проблемами; в-третьих, особенности их во многом лежат за рамками соучастия.

5. Возникают проблемы форм соучастия и в тех видах преступлений, в которых соучастие не нашло фактически никакого отражения в Особенной части и которых там большинство (например, умышленные убийства, телесные повреждения, незаконная охота и т.д.). В то же время очевидна повышенная опасность, предположим, умышленного убийства, совершенного хотя бы конклюдентно действующей группой. Повышенную общественную опасность групповых преступлений в таких видах преступлений суд учесть не может, поскольку ни в диспозиции статьи Особенной части, ни в Общей части закона не оговаривается возможность усиления наказания при совершении убийства конклюдентно действующей группой. В результате этого более опасные формы совместной деятельности соучастников в целом ряде случаев остаются без должной социально-правовой оценки. Наличие в ст.39 УК РСФСР отягчающего обстоятельства совершения преступления организованной группой и планируемая проектом Основ 1988 года (ст.44) квалификация совершения преступления по предварительному сговору группой лиц или организованной группой (22) (кстати, законодатель по этому пути не пошел, отказался от дифференциации смягчающих и отягчающих обстоятельств в ст.42 Основ 1991 г.) в целом проблемы не решают. Ведь такой вид преступления охватывает все формы соучастия: от элементарного соучастия до устойчивой организованной группы, и надо отчетливо представлять себе, что санкции анализируемых статей рассчитаны и на дифференциацию форм соучастия, возможных при совершении преступлений. На данном уровне развития уголовного права указанная проблема фактически не разрешаема, поскольку в теории по формам соучастия разброд и шатание, а закон их вовсе не выделяет ни в Общей, ни в Особенной частях (применительно к анализируемым видам преступлений). Мало того, весьма двусмысленно выглядит ч.2 ст.20 Основ 1991 года, согласно которой "ответственность за совершение преступления организованной группой наступает лишь в случаях, предусмотренных уголовным законом". Как это понимать? Разве умышленные убийства, незаконная охота и другие преступления не могут быть совершаемы организованными группами? Или подобное не должно иметь никакого значения для наказания? Разве усиление ответственности хотя бы и в рамках санкции нормы за совершением преступления организованной группой, предусмотренной в качестве отягчающего обстоятельства в ст.39 УК РСФСР, не есть ответственность за совершение преступления организованной группой? Едва ли нужна

норма права, не решающая проблемы, а создающая их.

На этом фоне становится неотложно необходимой обособленная норма в Общей части, регламентирующая формы преступных групп (например, ст.17¹ УК РСФСР); только она позволит четко выделить преступные групповые объединения по всем статьям Особенной части. С введением законодательной новеллы все групповые преступления по анализируемым видам преступлений мы можем квалифицировать, предположим, по ч.1 соответствующей статьи и соответствующей части новеллы, раскрывающей реально возникшую форму преступной группы. Почему непосредственно по статье без применения ст.17 УК? Дело в том, что любая норма Особенной части рассчитана на общественную опасность исполнения преступления одним лицом (кроме преступлений, специально предусматривающих преступные группы), а групповое преступление всегда опаснее индивидуального исполнения. И потому условное включение группового преступления, скажем в простую норму, должно приводить к наказанию, максимально приближенному к максимуму санкции в зависимости от тяжести группового объединения. Квалификация же группового преступления с применением ст.17, а не 17¹ УК, низведет его до элементарного соучастия, т.е. искусственно снизит опасность.

Библиографический список

1. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. М., 1941. С.78 - 94; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С.56 - 117 и др.
2. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С.30.
3. Там же. С.31.
4. Там же. С.6 - 9.
5. Галиакбаров Р.Р. Групповое преступление. Свердловск, 1973. С.29.
6. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. С.34.
7. Там же.
8. Подробнее см.: Козлов А.П. Формы соучастия, их понятие и разновидности // Вопросы теории и практики применения уголовного закона. Красноярск, 1990. С.57 - 71.
9. Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 2-275, 1973 г.

10. Архив Красноярского краевого суда. Уголовное дело б/н, 1973.
11. Архив Московского городского суда. Уголовное дело № 2-235, 1973.
12. Архив Московского городского суда. Дело б/н, 1973.
13. Архив Московского горсуда. Дело № 2-96, 1973.
14. Архив Московского горсуда. Дело № 2-14. 1971.
15. Архив Московского горсуда. Дело № 2-196. 1971.
16. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С.254.
17. Архив Московского горсуда. Дело № 2-41, 1972.
18. Архив Московского горсуда. Дело № 2-238, 1972.
19. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. № 15. 11 апреля 1990. Ст.247.
20. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. № 45. 7 ноября. Ст.953.
21. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С.84 - 115 и др.
22. Бюллетень Верховного суда СССР, 1988. № 6. С.32.

А.Н.ТАРБАГАЕВ, С.Н.МАЛЬТОВ

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В действующем УК РСФСР для преступников, помимо наказания, предусмотрен широкий спектр альтернативных уголовно-правовых мер воздействия, которые образуют специальный институт освобождения от уголовной ответственности. Он состоит из ч.3 и 4 ст.10 (освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних), ст.48 (освобождение от уголовной ответственности вследствие истечения срока давности), ч.1 ст.50 (освобождение от уголовной ответственности в результате изменения обстановки), ст.50¹ (освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности), ст.51 (освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд), ст.52 (освобождение от уголовной ответственности с передачей лица на поруки).

В УК РСФСР нет законодательного определения уголовной ответственности. В соответствии с основными положениями науки советского

уголовного права, уголовная ответственность имеет форму осуждения, порицания, содержащегося в обвинительном приговоре. Поэтому освобождение от уголовной ответственности состоит не только в освобождении от наказания, но и в освобождении от обвинительного приговора суда, когда применяются иные меры, характерные для других отраслей права.

Право освободить от уголовной ответственности имеет следователь (с согласия прокурора), прокурор и суд на любой стадии развития уголовного процесса (в некоторых случаях даже без возбуждения уголовного дела), но не позднее того этапа, когда суд удаляется для вынесения приговора.

По закону освободить от уголовной ответственности можно только то лицо, которое действительно совершило преступление, поэтому это освобождение имеет нереабилитирующий характер. Лицо освобождается от уголовной ответственности, когда в его действиях имеются все основания как для применения к нему мер подобного рода, так и дополнительные законные основания, не дающие государству (следственным и судебным органам) возможность не реализовать свое право наказать преступника.

В последнее время э т о т правовой институт используется все чаще. Например, за пять лет (с 1985 по 1989) количество лиц, освобожденных от уголовной ответственности по указанным основаниям, увеличилось в 1,7 раза (с 269 тысяч до 451 тысячи человек). Данному процессу сопутствуют две встречные тенденции: быстрый рост преступности (с 2083 тысяч преступлений в 1985 до 2462 тысяч в 1989) и одновременное значительное снижение числа выявленных преступников (с 1728 тысяч до 1304 тысяч) (1).

Главная проблема заключается в том, что все большее количество правонарушителей не только избегает наказания, но даже будучи избранным в совершении преступления, уходит от адекватной юридической оценки совершенного преступления. Так, в 1990 году из 1383,3 тысяч выявленных преступников по указанным нереабилитирующим основаниям были освобождены от уголовной ответственности 29,4% правонарушителей (407 тысяч человек) (2).

Факт освобождения от уголовной ответственности не ведет к декриминализации деяния. Будучи по своей юридической природе преступлением в момент совершения, оно продолжает оставаться им и после применения данного уголовно-правового института. Но в результате освобождения от уголовной ответственности совершенное деяние продолжает оставаться преступлением лишь фактически (как 'объективно

существовавшее событие), однако его юридическая оценка меняется кардинально. Постановление следователя, прокурора (определение суда) о прекращении уголовного дела и об освобождении от уголовной ответственности не влечет каких-либо уголовно-правовых последствий, не создает правового статуса преступника, потому единственной юридической формой признания лица виновным в совершении преступления является вынесение обвинительного судебного приговора. Поэтому освобождение от уголовной ответственности по любому из оснований, указанных в законе, по своей сути есть акт индивидуальной декриминализации, поскольку в итоге совершенное преступление по своим правовым последствиям (а значит и по характеру) приравнивается к административному правонарушению, дисциплинарному или аморальному проступку. Но такой вывод стирает грань между преступлениями и иными правонарушениями, искажает реальную картину состояния преступности, порождает правовой нигилизм и чувство безнаказанности у виновных, способствует эрозии режима законности в стране.

Каждый случай освобождения от уголовной ответственности приводит к тому, что преступление не проходит необходимого этапа правовой идентификации в качестве деяния, которым лицо посягнуло на наиболее важные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, т.е. фактически перестает быть преступлением как в глазах правоохранительных органов, так и в собственном мнении преступника, других лиц.

Главная задача следственных органов заключается во всестороннем и полном расследовании всех обстоятельств дела. Единственная функция суда — осуществление правосудия. Декриминализация (исключение деяний из числа преступлений), безотносительно к кругу лиц, под нее попадающих, является исключительной прерогативой законодательной власти. Поэтому индивидуальная декриминализация в форме освобождения от уголовной ответственности, осуществляемая следователем, прокурором, судом, противоречит принципу разделения властей, который лежит в основании правового государства. Подлинный смысл освобождения от уголовной ответственности состоит в том, что следственные и судебные органы в конкретных ситуациях наделяются правами законодателя, с чем категорически нельзя согласиться.

Закрепление в законодательстве института освобождения от уголовной ответственности также противоречит, как мы думаем, конституционному принципу законности. Несоответствие проявляется в том, что, с одной стороны, освободить от уголовной ответственности

можно лишь то лицо, в чьих действиях есть основания для уголовной ответственности, т.е. того, кто действительно совершил преступление, а не иное правонарушение. Но в соответствии с ч.2 ст.3 УК РСФСР никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе, как по приговору суда. В результате коллизии норм уголовного права возникает ситуация, когда лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, нельзя по закону считать виновными, поскольку в отношении их не вынесен обвинительный судебный приговор.

Но не правильно также думать, что они виновны, потому что невиновные лица не подлежат освобождению от уголовной ответственности; уголовные дела в отношении невиновных прекращаются по реабилитирующим основаниям с полным возмещением ущерба, причиненного в результате ошибочных действий государственных органов. Законодатель попытался разрешить данную проблему в 1977 году, заменив в ряде норм этого института слово "преступление" выражением "деяние, содержащее признаки преступления", а термин "виновный" словом "лицо". Однако такая рокировка, оставив сущность этих норм неизменной, породила в теории и на практике многочисленные дискуссии, которые лишь усложнили понимание юридической природы института освобождения от уголовной ответственности.

13 сентября 1990 года Комитет конституционного надзора СССР принял **З а к л ю ч е н и е**, в котором указал, что нормы уголовного законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора, не отвечают принципу презумпции невиновности, противоречат п.2 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах и п.1 ст.11 Всеобщей декларации прав человека. Комитет пришел к выводу: указанные нормы не соответствуют ст.160 Конституции СССР, что должно быть устранено в процессе обновления уголовного законодательства (3). Однако в ч.2 ст.48 Основ уголовного законодательства СССР и республик, которые приняты 2 июля 1991 года сказано: "...лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, в случаях, предусмотренных уголовными кодексами республик, может быть освобождено от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия". В проекте УК РСФСР сохраняются нормы, дающие возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд и с передачей лица на поруки. Поэтому очевидно, что проблема несоответствия института освобождения от уголовной

ответственности конституционному принципу законности будет существовать в дальнейшем, если так и не получит своего юридического разрешения.

5 сентября 1991 года Внеочередной Съезд народных депутатов СССР (собравшийся после неудавшейся попытки государственного переворота) принял декларацию гражданских прав и свобод. В соответствии с ч.2 ст.15 этого акта каждый, привлекаемый к ответственности, считается невиновным, пока его вина не установлена обвинительным судебным приговором. Такая законодательная тенденция все-таки позволяет надеяться на соответствующее изменение уголовного закона.

И, наконец, возникает вопрос, соответствуют ли указанные нормы принципу неотвратимости уголовной ответственности? Почему лица, в отношении которых собраны достаточные доказательства их виновности в совершении преступления, освобождаются от адекватной юридической оценки совершенного деяния? Смысл подобного освобождения трудно уловить, потому что в результате от справедливого уголовно-правового воздействия уходит большая группа преступников, многие из которых рассматривают такое поощрительное отношение к себе в качестве стимула для совершения новых преступлений. И здесь вспоминается крылатое выражение: строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

Исследования показывают: удельный вес лиц, совершивших тяжкие преступления и освобожденных затем от уголовной ответственности увеличился с 1985 по 1989 год в три раза, что серьезно сказывается на ухудшении криминологической обстановки в стране (4). Поэтому из всего института освобождения от уголовной ответственности, как мы думаем, допустимым является лишь сохранение в тексте закона ст.48 УК РСФСР, поскольку в ее основе лежит вывод о нецелесообразности уголовного преследования лиц, в отношении которых за давностью утрачены доказательства их виновности. В остальных случаях, когда так и не доказательств налицо, недопустимо освобождать лиц от уголовной ответственности. Их следует предавать суду и при наличии достаточных оснований признавать виновными в совершении преступления обвинительным приговором, освободив, если есть необходимость, от назначения либо исполнения назначенного наказания.

Кроме того, ни для кого не секрет, что иногда освобождение от уголовной ответственности используется в тех случаях, когда допущен брак в работе со стороны правоохранительных органов: дело возбуждено в отношении невиновного, либо не собрано достаточного

количества доказательств в отношении обвиняемого, и дело нужно прекратить по реабилитирующим основаниям. Здесь освобождение от уголовной ответственности часто служит уловкой, позволяющей маскировать бездеятельность и неумелость следственных органов, с помощью которой прекращаются уголовные дела, не имеющие судебной перспективы, что само по себе грубое нарушение закона.

Институт освобождения от уголовной ответственности был включен в уголовный закон в начале 60-х годов, когда в воздухе витала идея о необходимости участия общественности в искоренении преступности. Прошедшее с тех пор время показало, что эту задачу должны решать специалисты на высоком профессиональном уровне. Нормы об освобождении от уголовной ответственности (кроме института давности) необходимо, на наш взгляд, изъять из уголовного закона. Все лица, совершившие преступление, должны получить адекватную юридическую оценку своих действий, закрепленную в обвинительном приговоре суда. При наличии оснований их можно будет освободить от назначения или исполнения наказания, определить его условно либо с отсрочкой исполнения обвинительного приговора.

Предложенное решение проблемы приведет к тому, что количество уголовных дел, передаваемых в суд, возрастет примерно в 1,5 - 2 раза. Однако не стоит этого бояться, поскольку общая тенденция к возрастанию роли суда в разрешении конфликтов между гражданином и обществом является необходимым признаком переходного периода от тоталитарного к правовому государству. В связи с предложенным исключением из законодательства института освобождения от уголовной ответственности, конечно, потребуется привести штаты судебных органов в соответствие с возникшими потребностями, усилить их материальное обеспечение. Но не следует опасаться этих сложностей и экономить на средствах укрепления законности. Надо помнить о том, что простая и дешевая кастия в конечном счете всегда дорого обходится государству и обществу.

Библиографический список

1. Вестник Верховного суда СССР. 1991. № 3. С.18-19.
2. Вестник Верховного суда СССР. 1991. № 7. С.38.
3. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 39. Ст.775.
4. Советская юстиция. 1990. № 19. С.11-12.

В.П. ЗИМИН

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

В настоящему времени проблема борьбы с коррупцией приобрела международное и даже глобальное значение. Во-первых, это негативное явление распространено (более или менее широко) практически во всех странах, что обуславливает целесообразность объединения усилий в поиске путей эффективного противостояния ему. Во-вторых, в связи с активными интеграционными процессами в мире многие акты коррупции являются транснациональными преступлениями, для успешной борьбы с которыми необходимо международное сотрудничество, особенно между правоохранительными органами[§].

Международное сотрудничество в разрешении проблем предупреждения и пресечения актов коррупции, а также преследования за их совершение осуществляется на неправительственном (в основном в рамках международных неправительственных организаций научного и профессионального характера) и межправительственном уровне, при ведущей роли последнего. Основные направления этого сотрудничества - обмен национальным опытом борьбы с коррупцией и выработки соответствующих международных норм как рекомендательного, так и обязательного (прежде всего - юридического) характера.

Международные нормы и рекомендации по борьбе с коррупцией, как и зарубежный опыт (1), могут быть полезны в ходе реформы законодательства России, в том числе уголовного, при переходе к рыночной экономике.

Одним из первых международных документов в рассматриваемой области была принятая 15 декабря 1975 года Генеральной Ассамблеей ООН резолюция 3514 (XXX), в которой осуждаются "все виды коррупции,

[§] Примером таких преступлений может служить сравнительно широко распространенная практика подкупа должностных лиц иностранных государств представителями компаний с целью создания более благоприятного инвестиционного климата или получения выгодных контрактов.

включая взяточничество практикуемые транснациональными и другими Корпорациями, их посредниками и другими причастными к этому сторонами в нарушение законов и правил принимающих стран".

В резолюции также содержится призыв к правительствам и стран регистрации корпораций, и принимающих стран принять в рамках их национальной юрисдикции все необходимые меры для предотвращения подобной коррупции и наказания правонарушителей^Ж, при необходимости сотрудничая между собой, а т а к ж е собирать информацию о коррупции и обмениваться ею на двусторонней или многосторонней основе, например, через Центр ООН по транснациональным корпорациям (ТНК).

Комиссия ООН по транснациональным корпорациям (созданная в 1974 году со статусом функциональной комиссии Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) ООН, в частности, в связи с задачей преодоления негативных последствий операций транснациональных корпораций (ТНК)), включив по рекомендации Генеральной Ассамблеи ООН в свою программу работы вопрос о коррупции, предусмотрела в разработанном ею проекте Кодекса поведения транснациональных корпораций^Ж ряд положений, касающихся коррупции. В частности, в п.21 проекта говорится о том, что ТНК при совершении транзакций должны воздерживаться от предложения, обещания или предоставления публичным должностным лицам непосредственно либо иным образом в их пользу каких-либо выплат, подарков или других выгод в качестве вознаграждения за выполнение или воздержание от выполнения своих обязанностей в связи с э т и м и транзакциями. Предусматривается также, что ТНК должны вести точный учет всех выплат, производимых ими каким-либо публичным должностным лицам или посредникам,

^Ж Одним из примеров следования данной рекомендации является принятый в 1977 году в США федеральный Закон об актах заграничной коррупции, предусматривающий в качестве санкции для физического лица тюремное заключение до пяти лет или штраф до 10 тыс. долларов (2).

^{ЖЖ} Практически готовый проект кодекса не удается принять в течение нескольких лет даже в качестве документа рекомендательного характера (3).

и по запросу компетентных органов стран, в которых они осуществляют операции, предоставлять подобные сведения в целях расследования и судебного разбирательства в связи с такими платежами.

В 1976 году Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)^Ж выступила с заявлением, в котором содержался призыв к фирмам: а) воздерживаться — в том числе в ответ на прямые требования и ожидания — от предоставления каких-либо взяток или иных благ в прямой или косвенной форме государственному служащему или лицу, состоящему на государственной должности; б) не производить неразрешенных законом пожертвований кандидатам на занятие постов в государственном аппарате или политических организациях; в) воздерживаться от какого-либо участия в политической жизни иностранного государства.

К сожалению, мировому сообществу пока не удалось разработать и заключить международное соглашение, направленное на предотвращение и искоренение незаконных выплат в любой форме в связи с международными коммерческими сделками, хотя такая задача и была поставлена перед Специальной межправительственной рабочей группой для рассмотрения проблемы коррупции, учрежденной в соответствии с резолюцией 2041 (XI) ЭКОСОС от 5 августа 1976 года. Особую настойчивость в деле разработки такого соглашения проявляли США, исходившие не в последнюю очередь из задачи защиты интересов американских компаний, конкуренты которых в борьбе за зарубежные рынки сбыта получили определенное преимущество, так как в большинстве своем не были ограничены в выборе путей и средств продвижения своих товаров и услуг законом, подсыным упоминавшемуся Закону об актах заграничной коррупции.

Вместе с тем следует отметить уникальный опыт США, заключивших во второй половине 70-х годов ряд двусторонних международных соглашений о сотрудничестве в расследовании конкретных уголовных дел о коррупции транснационального характера. Так, в период 1976-1979 годов США подписали более чем с 25 государствами около 50 межправительственных и межведомственных соглашений об оказании

^Ж ОЭСР — одна из крупнейших межправительственных организаций экономического характера, созданная в 1961 году и объединяющая 24 наиболее развитые западные страны.

... взаимной помощи при отправлении правосудия по делам, возбужденным против более чем десятка американских корпораций (прежде всего таких авиастроительных гигантов, как "Локхид" (4), "Боинг" и "Макдоннел-Дуглас")^ж.

Вопрос о борьбе с коррупцией специально обсуждался и на VIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившем в Гаване (Куба) с 27 августа по 7 сентября 1990 года. Конгрессы ООН проводятся с 1955 года раз в пять лет. В работе VIII Конгресса участвовали около 1400 представителей из 127 стран, пяти межправительственных и 40 международных неправительственных организаций. В своей резолюции, озаглавленной "Коррупция в сфере государственного управления", Конгресс, в частности, одобрил подготовленное Секретариатом ООН руководство "Практические меры борьбы с коррупцией"^{жж} и призвал обеспечить его широкое распространение.

Результаты работы участников VIII Конгресса по рассматриваемой проблеме нашли отражение в Рекомендациях относительно международного сотрудничества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития, принятых Генеральной Ассамблеей ООН^{жжж}. В пункте 8 этого документа говорится: "Поскольку коррупция среди государственных должностных лиц может свести на нет потенциальную эффективность всех видов правительственных программ, затруднить развитие и создать угрозу для отдельных лиц или группы лиц, в высшей степени важно, чтобы все государства: а) проанализировали адекватность своего уголовного законодательства, включая процессуальные нормы, с тем, чтобы реагировать на все виды коррупции и соответствующие действия, способствующие или

^ж См., например, американско-японское Соглашение 1976 года о порядке оказания взаимопомощи при отправлении правосудия в связи с делом "Локхид эйркрафт корпорейшн" (4).

^{жжж} Док. ООН А /конф.144/ 8,29 Май 1990. Первоначальный проект этого интересного документа был подготовлен заместителем начальника отдела по борьбе с организованной преступностью и racketом Министерства юстиции США М.А.Дефео и рассмотрен на межрегиональном семинаре по проблеме коррупции государственных служащих (Гаага, 11-15 декабря 1989 года).

^{жжжж} Резолюция 45/107 от 14 декабря 1990 года. Приложение.

содействующие коррупции, и применять санкции, которые обеспечивали бы надлежащее сдерживание; б) разработать административные и регулятивные механизмы для предупреждения коррупции или злоупотребления властью; в) установить процедуры выявления, расследования и осуждения коррумпированных должностных лиц; г) разработать правовые положения для конфискации средств и имущества, приобретенных в результате коррупции; д) принимать надлежащие меры в отношении предприятий, причастных к коррупции".

Из приведенных рекомендаций наибольший интерес представляет, пожалуй, последняя — о применении экономических санкций против предприятий, замешанных в коррупции. Значит, адекватные меры сдерживания должны действовать не только относительно к непосредственным взяткополучателю и взяткодателю, но и к компании, в интересах которой последнее лицо действовало. При этом, на наш взгляд, целесообразно установить законом применение к такой компании не только штрафных санкций²², но и возможность изъятия из ее активов сумм полученной или ожидавшейся прибыли по соответствующей сделке. Очевидно, однако, что данный подход требует научной проработки вопроса о характере и основаниях подобной ответственности юридических лиц и пересмотра некоторых стереотипов, сложившихся в российской науке.

В общем комплексе специальных мер по борьбе с коррупцией, наряду с репрессией, определенное и, видимо, немалое значение имеет также укрепление нравственных начал у людей, имеющих потенциальную возможность занять одно из мест в неразрывной связке "взяткодатель — (посредник) — взяткополучатель". Выше уже говорилось об отдельных международных документах, содержащих соответствующие рекомендации для возможных кандидатов "дающей" стороны²³. Имеются подсобные международные нормы и для потенциальных представителей "берущей" стороны.

²² Так, по Закону об актах заграничной коррупции (США) фирма-нарушительница наказывается штрафом в сумме до 1 млн долл.

²³ Помимо документов, касающихся этики бизнеса, одобренных межправительственными организациями (ООН, ОЭСР и др.), отметим также рекомендации о борьбе с вымогательством и взяточничеством в деловых сделках, принятые в 1977 году Международной торговой палатой — международной неправительственной организацией, объединяющей национальные ассоциации предпринимателей, деловые кружки и фирмы почти 100 стран мира International Legal Materials, Wash., 1978. №2.Р417-418).

Так, одной из мер по борьбе с коррупцией, одобренных УШ Конгрессом ООН, является разработка проекта международного кодекса поведения государственных должностных лиц. Есть международные своды этических правил и специально для сотрудников правоохранительных органов. Определенный интерес представляют положения о коррупции, содержащиеся в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом 17 декабря 1979 года Генеральной Ассамблеей ООН (6). Статья 7 Кодекса гласит: "Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какой-либо коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними". При этом в комментарии к статье понятие "коррупция" определяется как "совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие". Отметим при этом, что с 15 января 1989 года, т.е. со дня подписания Итогового документа Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), положения Кодекса для участников СБСЕ, в том числе для России как правопреемницы СССР, являются уже не рекомендациями, а имеют характер морально-политических, или квазиправовых, обязательств* (6).

В Декларации о полиции, принятой 8 мая 1979 года парламентской Ассамблеей Совета Европы**, также содержится аналогичное положение

* В соответствии с п.23.3. данного документа государства-участники СБСЕ обязались соблюдать "принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, а также принятый ООН Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка".

** Совет Европы - консультативная межправительственная организация, объединяющая 26 европейских государств. Россия как правопреемница СССР участвует в ее работе со статусом "специально приглашенного государства".

о том, что сотрудник полиции должен воздерживаться от актов коррупции и энергично бороться с таковыми (ст.2 раздела А).

Как представляется, подобные положения должны быть включены в подготавливаемые в России проекты закона о государственной службе и кодекса поведения работника органов внутренних дел¹¹.

Помимо специальных мер противодействия коррупции, в борьбе с ней могут использоваться и уже отработанные механизмы международного сотрудничества в борьбе с преступностью вообще -- в первую очередь, договоры о правовой помощи по уголовным делам, о выдаче правонарушителей (экстрадиции).

Следовательно, России необходимо в срочном порядке расширить правовую базу (договорную и законодательную) для осуществления такого сотрудничества, прежде всего с государствами, входившими ранее в СССР. Э т о может быть заключение либо многостороннего договора о правовой помощи в рамках Содружества независимых государств, либо двусторонних договоров со странами "ближнего зарубежья". Причем необходимо использовать как опыт Советского Союза, имевшего к моменту своего распада договоры о правовой помощи по гражданским и уголовным делам более чем с 20 государствами¹⁸, так и принятые ООН типовый договор о выдаче преступника и типовый договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия¹⁹.

Целесообразно также присоединиться и к принятым в рамках Совета Европы Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам (1959 года) и Конвенции об отмывании, выявлении, аресте и конфискации доходов от преступной деятельности (1990 года).

Безусловно, международное сотрудничество в борьбе с коррупцией играет вспомогательную роль по отношению к внутригосударственным усилиям, но и игнорировать его возможности было бы неразумно.

¹¹ Поручение разработать в 1991 году проект такого кодекса содержалось в приказе МВД СССР от 21 июня 1991 года "О мерах по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел". Отметим, что кодексы полицейской этики приняты во многих странах.

¹⁸1990 Одобрены Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 года (соответственно резолюции 45/II6 и 45/II7).

Библиографический список

1. См.: Волеженин Б.В. Коррупция и уголовный закон // Правоведение. 1991. № 6. С.63-70; Рейсмен В.С. Скрытая ложь. Взятки: "крестовые походы" и реформы: Пер. с англ. М., 1988.

2. См.: *Multinationale Unternehmen und Strafrecht*. Köln, 1979.

3. См.: *Foreign Corrupt Practices Act // International Legal Materials*. Wash., 1981. N 2.

4. См.: *The New Code Environment*. N.Y.: United Nations, 1990.

5. См.: Артамонов А. Виражи концерна "Локхид". М., 1984.

6. См.: *International Legal Materials*. 1976. N 2. P. 278.

7. См.: СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М., 1989. С.499-504.

8. Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. М., 1989. С.15.

9. См.: Кодекс этики Национальной полиции Франции, утвержденный декретом премьер-министра 18 марта 1986 года

См.: *Porta S., Paoli C. Code annoté de déontologie policière*. Paris, 1991.

10. См.: Сборник международных договоров о взаимной помощи по гражданским и уголовным делам. М., 1988.

А.Г.КОРЧАГИН, А.Ф.РЕХОВСКИЙ, К.И.ФАХРУТДИНОВ

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Компьютерная преступность для нашего общества пока не является острой проблемой, так как в стране зарегистрированы только отдельные случаи ее проявления. Однако преступления грозят перерасти со временем в подлинное бедствие. Из-за чего могут быть нарушения работы крупных предприятий и банков, аварии и катастрофы на транспорте и других крупных объектах, инциденты на военных объектах и т.п. Проведенные исследования (1,2,3,) показали, что не менее 30% пользователей компьютеров сталкивались с какой-либо формой компьютерных преступлений. 400 млн фунтов стерлингов - стоит британской промышленности компьютерная преступность. Для борьбы с ней разработаны рекомендации для дополнения уголовного кодекса, который определит, что такое компьютерное преступление,

и соответствующие наказания. Предлагается, например, 3 месяца тюрьмы за неразрешенное подключение в компьютерную сеть с целью развлечения. За создание "вируса" предусматривается 5-летнее лишение свободы. Однако при этом нередко пострадавшие, особенно банкиры, даже не возбуждают уголовные дела, чтобы не привлекать к себе внимание и не вызывать у своих вкладчиков сомнения в надежности финансовых учреждений, а также потому, что далеко не просто указать подозреваемых и тем более доказать их виновность (4). На I января 1990 года оборот у коммерческих банков по купле-продаже кредитов на межбанковском денежном рынке и у Госбанка СССР составил свыше 5 млрд руб. Представляется, что главную опасность для нашей экономики сегодня составляют не наличные, а безналичные деньги, так как доля безналичного оборота в общем платёжном обороте страны достигает около 90%. В случае, если в банках страны не будут отменены ограничения на выдачу наличных денег, возможно не только переполнение канала обращения бумажных, ничем не обеспеченных денег, но и рост цен, продолжение инфляции, что приведет в конечном счете к росту и числа компьютерных преступлений. В условиях перехода к рыночным отношениям банки страны должны действовать так, чтобы не обанкротиться, чтобы их клиенты не понесли потери и не начали цепная реакция, которая нанесет урон экономике (5).

Один из важнейших признаков компьютерных преступлений — это различные способы доступа к содержимому компьютерной памяти, внесение необходимых для реализации замысла изменений в программы.

Преступления в области информатики можно подразделить на материальные, направленные против компьютера или компьютерных сетей с целью хищения, уничтожения, разукрупнения и т.п.; и информационные, где объектом преступления выступает информация, хранящаяся в компьютере или на машинных носителях. Особенность информации в том, что ее не нужно изымать, а достаточно только копировать. Поэтому, по нашему мнению, информации должна быть выделена в качестве самостоятельного предмета уголовно-правовой охраны. Сегодня же в соответствии с Законом РСФСР "О собственности в РСФСР" информация не является объектом права собственности (6). Введение в уголовное законодательство специальной нормы об ответственности за хищение информации в очередной раз откладывается на неопределенный срок. Пока что по действующему законодательству информация сама по себе не может быть предметом хищения, однако может использоваться для совершения других преступлений, например для получения сведений, составляющих государственную тайну, и дальнейшего их разглашения.

(ст.75 УК РСФСР), шпионажа (ст.65 УК РСФСР) и других преступлений.

Количество компьютерных преступлений и способов их совершения будет расти по мере компьютеризации общества. Поэтому так важна попытка их классификации. В настоящее время выделяют несколько видов компьютерных преступлений:

1. Нарушение прав человека в области защиты личной информации. Незаконное или неправомерное ее использование.

2. Внедрение в компьютерные системы информации с целью изменения:

- без материальной выгоды;
- для получения материальной выгоды.

3. Уничтожение информации, хранящейся на машинных носителях.

4. Кража информации, шпионаж:

- коммерческий шпионаж;
- военный шпионаж;
- шпионаж в правоохранительных органах;
- плагиат, полное или частичное копирование.

5. Внедрение в компьютерные системы для развлечения.

Способы совершения компьютерных преступлений различны - так и действия могут совершаться при помощи физических приборов и устройств подслушивающего типа. Кража информации может осуществляться и обычным путем, без использования каких-либо технических средств. Например, если не ограничен доступ к компьютерам, специалист может получить массу информации, узнав пароли, ключи шифрования, изучив систему подключения и защиты, и затем воспользоваться этим. Он может также "войти" в незащищенную базу данных, если компьютер оставлен без присмотра. Например, 90% больниц ФРГ оснащены информационно-поисковыми системами на основе ЭВМ. В Великобритании две частные коммерческие фирмы имеют сведения практически обо всем взрослом населении. Значит, полиция может вмешиваться в личную жизнь каждого жителя страны.

Кроме того, преступления могут совершаться опосредованно - при помощи программ различного назначения - как обычные стандартные, так и специально разработанные. Например, метод "компания в отбросах" заключается либо в сборе обрывков бумаги, перфокарт и их анализе, либо, например, в использовании стандартных программ, которые позволяют восстанавливать информацию, стертую с магнитных дисков.

Внедрение в компьютерные системы для развлечения с целью изменения или уничтожения информации происходит при помощи:

- подбора пароля для входа в систему;
- кражи пароля, когда используют пароль другого человека;
- случайного входа в систему, если в ее защите есть "лucky".

Кроме этого, могут быть разработаны специальные программы, изменяющие или уничтожающие информацию или просто дезорганизирующие работу компьютерной системы. "Компьютерный червь" может захватывать все ресурсы компьютера для своей "работы", после чего компьютер может просто перестать реагировать на другие запросы.

Уничтожение информации обычно осуществляется другим типом программ - "компьютерным вирусом". Вирус уничтожает таблицы размещения информации на магнитных дисках, в результате найти информацию на диске становится практически невозможно. Вирус может только изменять информацию, что еще хуже. Например, в больших массивах числовых данных понемногу и з м е н я ю т с я некоторые цифры. Когда это вмешательство обнаруживается, очень трудно восстановить информацию. В 1989 году Д.Г.Бурлесон был признан судом штата Техас виновным во внедрении вируса типа "часовая мина", уничтожившего примерно на 200 тыс. долл. комиссионных записей, принадлежавших его бывшему работодателю - одной из фирм США. Ему угрожалось 10 лет тюрьмы, но он был приговорен к 7 годам условно и к штрафу 11800 долл. (так был оценен ущерб). Многие, наверно, помнят и описанное в печати несколько лет назад ЧП в Тольяти: молодой талантливый инженер АвтоВАЗа, обиженный тем, что его не оценили, поставил на грань остановки весь завод, причинив этим огромные убытки. Поскольку вся работа предприятия базировалась на программном обеспечении, он написал и ввел в компьютер циклическую программу-невидимку, которая на каком-то этапе начинает вмешиваться в производственный цикл. Тогда же в средствах массовой информации появились данные о создании надежной защиты от компьютерных вирусов (7).

Могут быть связаны с компьютерными преступлениями и некоторые незаконные финансовые операции. Сведения о таких фактах приводятся в литературе (6,7). Один из примеров кражи: июль 1988 года, три человека в Швеции арестованы за кражу 81,9 млн шведских крон путем перечисления при помощи межбанковской компьютерной сети. Обнаружена кража в результате ручной сверки счетов руководством банка. Преступное указание было введено на обычном бланке и передано в сеть банков в Цюрих. В обычный день таких перечислений через главное отделение банка проходят сотни.

Действующее уголовное законодательство ГДР криминализировало такие деяния, как проникновение в банки информации и использование секретных информационных данных (параграф 202 "а"), компьютерное мошенничество (параграф 263 "а"), компьютерный саботаж (параграф 315 "б"), уничтожение или изменение данных в памяти компьютера

(параграф 274 Ул. ПТ). В Японии Закон о размещении интегральных полупроводниковых схем в 1985 году ввел уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовное наказание в целях охраны информации. Тем не менее компьютерная преступность, по признанию зарубежных юристов, является малоуязвимой, менее всего наказуемой (10). Конгресс США принял "Закон 1986 года о мошенничестве и злоупотреблениях, связанных с компьютером". Им предусмотрена ответственность за следующий круг компьютерных преступлений:

- 1) введение ложных данных в компьютерную систему;
- 2) незаконное использование компьютерных устройств;
- 3) внесение изменений в процесс обработки информации или нарушение этих процессов;
- 4) кража денег, ценных бумаг, имущества, услуг, ценной информации, совершенные электронными или иными средствами. Закон предусматривает ответственность только за посягательства на интересы федеральных финансовых учреждений. Наказание за эти преступления установлены в виде лишения свободы на срок до 10 лет или даже 20 лет (в случае повторного их совершения) и штрафы на сумму, вдвое превышающую извлеченную преступником выгоду. В настоящее время в США уже оформилась система законодательства на уровне федеральном и штатов, которая имеет целью объявить уголовно наказуемыми любые преступные посягательства, связанные с компьютерами. При этом не имеет значения, в чем ведении находятся компьютеры, какие цели ставят правонарушители и какой ущерб они причиняют хозяевам компьютеров или тем, кто пользуется их услугами (11).

На первый взгляд, действующее российское уголовное законодательство достаточно широко охватывает все возможные компьютерные преступления. В случае наступления общественно опасных последствий и начинают работать такие уголовно-правовые нормы: ст. 98, 99, 149, 150 УК РСФСР. Однако анализ уголовного закона показывает, что прежде всего должен быть установлен порядок санкционированного доступа в вычислительные системы. Без этого уголовно-правовые (равно как административно-правовые) средства защиты работать не будут.

Представляется целесообразным ввести в законодательство норму, трактующую сцене информации как уголовное преступление. На наш взгляд, является необходимостью введение правовых норм, квалифицирующих как самостоятельное преступление разработку и распространение компьютерных вирусов. Видимо, необходимо признать противоправными умышленные деяния вне зависимости от последствий.

Вирус может бездействовать достаточно длительное время, а затем он неожиданно "проснется" и приведет к катастрофе. Принимая во внимание повышенную опасность таких деяний, как уничтожение носителей с машинной информацией, нужно было бы ввести квалифицирующий признак - совершение преступления с использованием средств вычислительной техники, - в работающие уже сегодня статьи УК РСФСР: ст. 92, 93, 175 УК (12).

Субъект и субъективная сторона компьютерных преступлений

При криминализации деяний, связанных с нарушениями правил обращения с ЭВМ, принимается во внимание, с одной стороны, опасность (реальная и потенциальная от совершения таких преступлений, а с другой - совершенно новая категория преступников - высокообразованных людей, занимающих определенное положение в обществе. Чем выше будет уровень компьютеризации нашего общества, тем чаще компьютерные преступления будут совершаться общими субъектами.

Не случайно компьютерный преступник - фигура, которая чаще привлекает внимание ученых криминов и психологов. Речь идет о новой разновидности преступников, которые используют для своих целей возросшую степень анонимности, достижимую с распространением персональных ЭВМ. Поэтому важным аспектом борьбы с компьютерными преступниками становится выявление личности преступника или преступной группы.

В нашей стране компьютерная преступность имеет короткую историю. Однако анализ зарубежной литературы позволяет выделить некоторые черты личности компьютерного преступника.

Компьютерные преступники имеют возраст 15-45 лет, большинство из них лица мужского пола, обычно имеющие уголовное прошлое. Возможно выделить два типа компьютерных преступников:

- 1) начинающие программисты, хакеры (хакеры);
- 2) профессиональные программисты.

Хакеры или хакеры (от английского слова *hack* - возмущать, разбивать) - подростки 14-16. Молодые люди, являющиеся виртуозами и фанатами программирования, изобретают различные способы проникновения в информационные системы из спортивного интереса, "вызывая" средства защиты данных. Основная цель забавы - проверить свои силы, справиться на "вызов" систем компьютерной защиты, найти слабые места

и таким образом самоутвердиться. Проникновение в информационные системы шутки ради, для демонстрации ловкости обычно не преследуют имущественной выгоды, хотя не исключает такой возможности. Встречаются и политические мотивы.

Второй тип компьютерных преступников нужно отнести к "беловоротничковой преступности". Это высококвалифицированные специалисты, преобладающая часть их (более 75%) по своим должностным обязанностям имеют право доступа к информации (внутренние пользователи с правами). Большую часть компьютерных преступников совершают именно эти лица, отвечающие за безопасность информации.

Третий тип компьютерных преступников - "чужие", посторонние для конкретной организации или учреждения - совершают кражи информации, занимаются шпионажем, либо осуществляют изменение или уничтожение информации. Характерен случай, происшедший в Лос-Анджелесе (США). Майк Хансен, консультант по вычислительной технике, 32-х лет, был приглашен в один из банков в качестве консультанта по закупке вычислительной техники. В комнате, где проводились международные банковские операции на 4 млрд дол., находилось около 40 операторов. Контроль за доступом пока установлен не был. Менеджер - управляющий пригласила эксперта зайти в помещение. Он много ходил, наблюдал, изучал работу операторов. В 3 часа по полудни, вышел из комнаты, затем, подождал чуть меньше часа и позвонил по телефону, представившись вице-президентом фирмы. Пользуясь секретными кодами, действительными только на данный день, перевел на свой счет 10 млн 200 тыс. долл.

Преступники могут совершать кражи информации по компьютерным сетям, даже не выходя из дому. Искусные программисты запускают в сеть программу "червь", которая обеспечивает хищение информации у одного или нескольких пользователей компьютерной сети.

Анализируя попытки найти надежные средства защиты информации, включая технические, организационные и правовые, можно сделать вывод, что абсолютно надежных средств нет. Как свидетельствует накопленный на Западе опыт, наиболее серьезная гарантия против компьютерных преступлений - это подбор таких кадров, моральные качества которых достаточно высоки и которые лично заинтересованы в процветании своей фирмы, банка и т.д.

Почти безошибочных программ в принципе не бывает, и поэтому необходимо обратить внимание на сложность установления субъективной стороны подобных составов преступлений.

Основными признаками преступной неосторожности разработчика являются:

- наличие в техническом задании на разработку компьютера указания на возможность возникновения в системе ситуации, которая и привела к аварии;

- возможность создания тестового набора данных, имитирующего возникшую в системе ситуацию.

Присутствие обоих признаков дает возможность квалифицировать причину аварии как преступную небрежность разработчика программного обеспечения.

При квалификации преступления как халатности оператора ЭВМ должны присутствовать в совокупности такие признаки:

- доведение до оператора в установленном порядке информации о возможных последствиях нарушения инструкций;

- физическая и психологическая возможность выполнения оператором требований инструкции в ситуации, предшествовавшей аварии (13).

Основной путь расследования компьютерных преступлений идет от предполагаемых способов его совершения к методам расследования и должен быть, конечно, конкретизирован.

Компьютеризация - одно из важнейших явлений нашего времени. Однако во многих ведомствах, организациях и учреждениях она протекает по команде сверху, без консультаций со специалистами, без анализа возможностей ЭВМ, что приводит к упущениям во времени, необдуманным материальным затратам, низкой отдаче вычислительной техники.

В прокуратуре Приморского края пошли по иному пути. По инициативе прокурора края государственного советника юстиции 3-го класса Г.Г. Дихачева руководящий состав краевого аппарата прокуратуры был направлен на курсы информатики, организованные в Дальневосточном государственном университете. На протяжении двух месяцев шла нелегкая, но интересная учеба. По окончании занятий слушатели получили знания в строении, видах и возможностях ЭВМ, программных средствах, приобрели навыки работы с компьютером. Затем, был заключен договор о сотрудничестве между прокуратурой края и юридическим факультетом, а также кафедрой информатики ДГУ по вопросам компьютеризации. Специалисты университета оценили информационные задачи органов прокуратуры, с учетом особенностей их деятельности, кабинета криминалистики, других подразделений и приступили к разработке программ, средств. Параллельно с этим был сделан заказ на приобретение компьютерной техники с учетом проведенного анализа.

Финансовые затраты были не напрасны. Сегодня в каждом отделе прокуратуры края установлен компьютер, монтируется локальная информационная сеть, приступил к работе программист, ставка которого недавно введена в штат прокуратуры. Хотя прикладных программ разработано пока немного, однако редко увидишь не работающий компьютер. Работники быстро оценили возможности текстового редактора, баз данных и других программ. Особенно активно эксплуатируется компьютер в следственной части. На повестке дня уже стоит вопрос о закупке втрой партии компьютерной техники.

Ученые и практики ставят перед собой задачу разработать информационные технологии по отдельным направлениям прокурорской деятельности, позволяющие значительно усовершенствовать работу прокуратуры. Частично эту задачу можно решить на местном уровне. Кроме этого необходимо изучать подобный опыт в других регионах страны, обмениваться программными средствами, методическими разработками. Думается, что нужно разработать республиканскую программу компьютеризации органов прокуратуры, сформировать научно-практический координационный центр компьютеризации прокуратуры РСФСР, периодически проводить совещания по этим вопросам. Все перечисленное позволит перейти на качественно новый уровень работы органов прокуратуры.

Библиографический список

1. См.: Barker L.K., Nelson L.D. Security standards - government and commercial // AT & T Techn. J. 1988. Vol. 67. N 3. Pp. 9-18.
2. См.: Батурич Д.М. Компьютерное преступление - что за этим понятием? // Интерфейс. 1990. № 1. С.36-37.
3. См.: Батурич Д.М. "Компьютерное преступление" - что за термином? // Право и информатика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С.89-99.
4. См.: Зуев К.А. Компьютер и общество. М.: Политиздат, 1990. С.295.
5. См.: Кучукова Н.К. Вопросы денежно-кредитной политики в современных условиях // Деньги и кредит. 1991. № 7. С.27-32.
6. См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. С.416.
7. См.: Ивченко Л. "Панацея" от компьютерных вирусов // Известия. 1991. 20 сент.
8. См.: Lawrence L. Computer Crime in Australia - Is the Law enough? // Computer Fraud & Security Bull. 1988. Vol. 10. N 7. P. 6-7.

9. См.: Wong K. Computer Security: What's New? // Datenschutz und Datensicherung. 1989. N 3. S. 133-137.

10. См.: Черных А. Компьютерные преступления по УК ФРГ // Соп. законность. 1988. № 8. С.66.

11. См.: Никифоров Б.С., Решетников П.М. Современное американское уголовное право. М.: Наука, 1990. С.189-192.

12. См.: Батурич Ю.М., Жодзинский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М.: Юрид.лит., 1991. С.26-27, 28-29.

13. См.: Батурич Ю.М., Жодзинский А.М. Указ.соч. С.35-36.

А.П.КОЗЛОВ, И.В.ШИШКО

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ А.М.ОРАЗДУРДЫЕВА
"ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ НАУКИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА"

Рецензируемое пособие А.М.Ораздурдыева представляет собой историко-теоретическое исследование ряда проблем Общей части науки уголовного права. Композиционно пособие состоит из пяти не связанных между собой частей (именуемых автором работами), посвященных главным образом разновидностям сложного преступления, а также чертам и структуре уголовно-правовой нормы.

Книга, бесспорно, интересна уже предметом исследования, редко достаивающимся пристального в н и м а н и я криминалистов. В ней по-новому определены авторские позиции — подходить непосредственно к сущности явления, а не преломлять ее через призму классовых соображений. Однако при этом автор, справедливо критикуя науку уголовного права за начетничество, приближается к другой крайности: напрочь отрицая материализм, словно он со времени Аристотеля ничего позитивного не дал миру, и признает первичным сознание, а не бытие, только потому, что "каждый поступок на пути к достижению цели ведом исключительно сознанием ..." (С.4). А.М.Ораздурдыев постарался забыть, что а) так можно говорить, лишь вырвав кусочек жизни из всеобщей причинной связи, и, если ее развернуть хотя бы на один этап назад, то нетрудно убедиться: сознание возникает не само по себе, оно базируется на реальных жизненных обстоятельствах ("бытие

определяет сознание" - и от этого никуда не уйти); б) первичность деяния - огромное завоевание юриспруденции: никто не может быть наказан за мысли, какими бы опасными они ни были, даже если мысли носят преступный характер и кто-то о них узнал (другое дело - общественно опасное деяние); в) идеалистическое мировоззрение было тоже классовым по существу, поскольку оно устанавливало божественное происхождение любой власти на земле. Остается неясным, почему автора не устраивает классовый материализм, но вполне устраивает классовый идеализм.

Исключительно удачно с учетом функционального значения всякого учебного пособия автору уже во введении удалось проиллюстрировать значение принципа субъективного вменения. В отличие от классического способа освещения этого принципа в учебниках, состоящего, как правило, в объяснении его исключительной важности, необходимости, значимости, А.М. Ораздурдыев на ряде примеров убедительно доказывает реальную пронизанность принципом субъективного вменения институтов и мало значительности деяния, неоконченной преступной деятельности, соучастия, множественности преступлений. Однако представляется неудачной попытка автора выдвинуть принцип субъективного вменения в качестве доказательства приоритетности сознания. Ведь указанный принцип существует для того, чтобы обосновать неразрывную связь поступка и сознания, и понять главное: опасность содеянного познается через совместную оценку того и другого.

Заслуживает внимания и поддержки предложение признавать субъектом преступления не только физических, но и юридических лиц. Подобное с логической последовательностью вытекает из преобразований общественных отношений в связи с разгосударствлением прежде всего экономики и появлением множества негосударственных коллективных образований. При этом автор не избегает наиболее уязвимой части всех теоретических исследований данного вопроса - проблемы уголовно-правовой ответственности юридических лиц, а утверждает, что идея их ответственности не противоречит представлению о преступлении как ознавательном и волево-акте. По мнению А.М. Ораздурдыева, человек в преступлениях, совершаемых юридическим лицом, привлекается к ответственности как составная часть субъекта - своеобразной формой соучастия, которое может быть умышленным или неосторожным в отличие от традиционно понимаемого соучастия. При несомненной актуальности

проблемы признания юридических лиц субъектами преступления соответствующий фрагмент первой части работы несет некоторый отпечаток вчерашнего дня. Такоо восприятие обусловлено, во-первых, тем, что круг субъектов - юридических лиц - необъяснимо сужен и включает единственно государственные органы и общественные организации, что является палиативным решением проблемы для государства с многочисленными уже на современном этапе негосударственными организациями. Во-вторых, еще до опубликования анализируемой книги был издан Закон СССР "Об общественных объединениях", в котором (ст.22) предусмотрена ликвидация объединения в случае совершения им действий, предусмотренных ч.2 ст.3 этого же закона. А названная часть ст.3 не допускает деятельности общественных организаций, имеющих целью или методом действий свержение, насильственное изменение конституционного строя ... или совершение иных уголовно наказуемых действий.

Анализ предусмотренной меры принуждения по ее основанию, репрессивности, субъекту применения позволяет считать ее (ликвидацию) только уголовным наказанием.

Традиционно представлено автором и понятие нормы уголовного права как правила общественно полезного поведения (С.20). В то же время, по мнению автора, социальная норма входит в уголовно-правовую "в качестве уголовно-правовой охраны ... Состав преступления немислиим без объекта и, следовательно, норма уголовного права немислиима без охраняемой ею нормы" (С.24). Указанное смещение юридических понятий едва ли приемлемо. Во-первых, безосновательно отождествлены правомерное поведение с объектом посягательства. Действительно, правомерное поведение тесно связано с соответствующими общественными отношениями, но общественным отношением не является, поскольку посредством поведения общественное отношение реализуется. Следовательно, правомерное поведение не может входить в уголовно-правовую норму в качестве объекта. Во-вторых, столь же бессмысленна ссылка и на состав преступления, существование которого немислиимо без объекта. Автор принимает желаемое за действительное. Ведь нужно помнить, что "состав преступления" - условный технический термин, который лишь во второй половине XIX века признан уголовно-правовой категорией, а до того считался уголовно-процессуальным понятием (совокупностью доказательств по делу). Он призван более или менее приемлемо классифицировать элементы (признаки) преступления. Это ясно. И структура состава не столь однозначна, как представляется автору: если объективная и субъективная сторона действительно характеризуют преступление и соответственно составляют две группы

его элементов (признаков), то общественные отношения, охраняемые уголовным правом (объект преступления), едва ли следует признавать составной частью преступления. Все мы живем в системе таких отношений. Означает ли это, что мы живем в системе элементов преступления? Не хотелось бы верить в подобное. Кроме того, даже терминологически в общепринятом словоупотреблении мы разделяем общественные отношения и преступления, поскольку говорим об общественных отношениях, на которые посягает субъект преступления, т.е. общественные отношения и преступление существуют как взаимосвязанные в определенных ситуациях, но тем не менее самостоятельные категории и преступления с его составом находится за пределами общественных отношений. Сказанное не позволяет столь категорично считать, что состав преступления немислим без объекта (вполне мыслим) и признавать это доказательством того, что норма уголовного права немислива без охраняемой ею нормы (вполне мыслима).

Являясь сторонником трехзвенной (состав - признаки - объект) структуры уголовно-правовой нормы, А.М. Граздурдиев вынужден искать гипотезу и создавать надуманную формулу уголовно-правовой нормы: "Если лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности, при обстоятельствах, исключающих неосторожную вину, необходимую оборону, крайнюю необходимость и добровольный отказ от совершения преступления, умышленно и в соучастии с другими лицами (гипотеза) совершит убийство двух или более лиц (диспозиция), то наказывается ... (санкция) (С.28). Если данная формула имеет хотя бы малейшее практическое значение (в противном случае любые теоретические положения теряют смысл), то следственные органы и суд должны вначале удостовериться, что отсутствуют обстоятельства неосторожной вины, необходимой обороны и т.д., а уж затем устанавливать диспозицию. Однако подобное абсурдно, поскольку при установлении и необходимой обороны, и крайней необходимости, и добровольного отказа нужно определить, что формально деяние содержит признаки преступления, т.е. сначала находят диспозицию и потом решают, есть ли исключения из противоправности и правил наказуемости.

Вместе с тем остается непонятным и желание автора отнести субъекта преступления, субъективную сторону преступления и соучастие к гипотезе. Следовательно, при их введении в норму Особенной части гипотеза становится диспозицией либо остается гипотезой, но приобретает специфическое влияние? Значит, границы между гипотезой и диспозицией размыты, нечетки? Тогда кому и для чего нужны "плавающие" структуры тех и других?

не менее странным и надуманным выглядит понимание автором диспозиции: то он признает в качестве таковой совершение убийства двух или более лиц, т.е. противоправное поведение (С.28), то "часть нормы, содержащую правило поведения (подчеркнуто нами. - А.К.), несоблюдение которого признается общественно опасным и уголовно-наказуемым деянием" (С.29). Все-таки правомерное поведение или противоправное составляет диспозицию? Ведь они взаимоисключающие: человек, ведущий себя неправомочно, не может вести себя в этом же плане правомочно; в реальной жизни существует только одно из них: либо то, либо другое. Так что и в диспозиции должно быть отражено лишь одно из них.

Мало того, если диспозицией признать правомочное поведение, то можно ли классифицировать диспозиции в зависимости от объема толкования неправомочного поведения (С.30). Остается при этом без ответа и вопрос: какое значение имеет отсутствующее при совершении преступления правомочное поведение как диспозиция с точки зрения применения санкций?

Не выдерживает критики и предложенная автором (С.36-42) классификация санкций, нарушающая основные правила деления понятий, выработанные формальной логикой (по одному основанию и взаимоисключение классов).

Указанные существенные противоречия, искусственное усложнение и смешение понятий нормы уголовного права и ее элементов затрудняют восприятие студентами соответствующих положений учебного пособия.

Вполне оправдано обращение автора к сложнейшим вопросам продолжаемого преступления. Нужно отдать ему должное: исторический анализ понимания продолжаемого преступления теорией и практикой проведен глубоко, с полным представлением о предмете исследования, более того - сделан блестяще. Удачно раскрыта флюгерность глубоко политизированной науки уголовного права и судебной практики.

Однако трудно согласиться с предложением автора признавать продолжаемыми и преступления с неконкретизированным умыслом. Ведь главной особенностью продолжаемого преступления является то, что в нем, благодаря общей конкретизированной цели, можно достаточно точно определить момент окончания и покушение на преступление при прерванной преступной деятельности. Скажем, в результате неоднократных действий виновный завладел имуществом в сумме, равной 1000 руб. При конкретизированном едином умысле мы можем точно квалифицировать содеянное: либо как оконченное продолжаемое преступление

при равенстве достигнутого и задуманного последствий, либо как покушение на продолжаемое преступление при более высоком задуманном последствии. Неконкретизированный умысел не позволяет этого сделать, при нем практически невозможно разграничить повторное и продолжаемое преступления, именно потому при его наличии нет смысла говорить о продолжаемом преступлении. Отсюда однозначно должны решаться и проблемы неосторожных продолжаемых преступлений — их быть не может в связи с неконкретизированностью конечного результата и невозможностью жестко разграничить повторное и продолжаемое преступления, оконченное и неоконченное преступления.

Интересна часть работы, содержащая критику малоизвестной в советской уголовно-правовой науке теории В.Спасовича о ддящемся преступлении. А.М.Ораздурдыев, раскрыв сущность этой теории, отвергает ее, обоснованно утверждая, что свойство непрерывности при дается преступлению не столько неверным его пониманием, сколько законодательным фиксированием наряду с моментом мгновенного посягательства на объект и этапа последующего постоянного, непрерывного причинения вреда. Предложенная в свое время В.Спасовичем замена ддящихся преступлений продолжаемыми или с продолжающимися последствиями, справедливо заключает автор, привела бы к смешению различных понятий и искажению правоприменения.

Говоря о пенитенциарном рецидиве, автор имеет в виду рецидив исправления, обращенный главным образом к личности, в соответствии с чем и относит его ко множественности (С.85). С понятием пенитенциарного рецидива как рецидива исправления вполне можно согласиться, поскольку мы и выделяем его повышенную опасность в связи с более высокой степенью неисправимости лица. Тем не менее едва ли оправдано отделять его от множественности; проблемы которой, — слабо исследованные наукой уголовного права, — скорее всего нераскрыты и здесь.

Завершая анализ, нужно отметить, что при всех достоинствах и недостатках рецензируемое учебное пособие — интересная и нужная работа.

Барабаш А.С. Отклоняющееся поведение, ответственность и социальная работа	3
Чиганова С.Д. Социализация подростков и задачи социальной работы	10
Москвин Г.Р. Культура и процесс образования социальных работников	18
Помренин К.Г. Право как источник социальной работы	24
Стойко Н.Г. Социальная работа в действии	29
Копытов А.Г. Жизненный путь личности и психологическое время	32
Шишко И.В. Вид противоправности и степень общественной опасности деликта	39
Тарбагаев А.Н. Дисциплинарная ответственность в уголовном праве	50
Козлов А.П. Формы соучастия в особенной части уголовного закона	55
Тарбагаев А.Н., Мальтов С.Н. Юридическая природа института освобождения от уголовной ответственности	70
Зимин В.П. О некоторых проблемах международного сотрудничества в борьбе с коррупцией	76
Корчагин А.Г., Реховский А.Ф., Фархутдинов К.И. Компьютерные преступления	83
Козлов А.П., Шишко И.В. Рецензия на учебное пособие А.М. Ораздурдыева "Проблемы общей части науки уголовного права"	92

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ ПОВЕДЕНИЕ**

Отв. ред. . Николай Геннадьевич Стойко
Отв. за вып. Алексей Николаевич Тарбагаев

Редакторы Т.А.Павская, Т.М.Пыжик
Корректор Т.Е.Бастрыгина

Подписано в печать 05.02.93 г.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага типографская № 3.
Печать офсетная. Усл. п.л. 6,0.
Уч. - изд. л. 6,7. Тираж 200 экз.
Заказ 2471 Цена 60-00 р.

Редакционно-издательский отдел Красноярского государственного
университета, 660062, Красноярск, пр.Свободный, 79.
Полиграфобъединение "Сибирь", 660017, Красноярск, пр.Мира, 93.